

Ольга Конаева

Зимняя



12+

2020 г

Ольга Конаева

Лучинушка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Конаева О. Д.

Лучинушка / О. Д. Конаева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В этой повести современная реальность переплелась с историей времён Екатерины Великой. Ночная встреча молодой женщины с волчьей стаей и связанные с этим события, вынудившие её совершить побег от деградировавшего мужа – алкоголика, пережитые при этом испытания и короткое знакомство с древней старухой, открывшей тайну её происхождения, перевернули всю её жизнь, заставив поверить в себя.

Ольга Конаева

Лучинушка

Глава 1

Эта история началось с того, о чём неудобно не только писать, но и говорить вслух. Однако, как говорится, из песни слов не выкинешь. Примерно за пол часа до окончания дойки Стешу начали беспокоить приступы режущей боли в животе. Она допаивала последнего телёнка, когда терпеть стало невмоготу. Она наскоро переделась и пулей выскочила из коровника наружу.

Объявлять всем, куда она так торопится, Стеша не стала. Она выросла при бабушке, воспитывавшей внуку так, как было принято во времена её молодости, когда считалось неудобным показывать коленки, замужним ходить простоволосыми и говорить с посторонними на интимные темы. И уж конечно, чтобы муж был первым и единственным мужчиной на всю жизнь.

Её родителей не стало, когда Стеше едва исполнилось пять лет. Они вместе переходили замерзшую реку, и оба разом ушли под лёд. Бабушка безумно любила свою кровиночку, но старалась особо её не баловать, с малого возраста приучала к послушанию, а по мере подрастания к домашним делам. Потому как знала, что век её недолог, а девочка должна быть готова в жизни ко всему. Взрослея, Стеша продолжала подчиняться установленным ею правилам – из школы сразу домой, всё остальное время рядом, на глазах. А если ходить к подружкам, то ненадолго и только к тем, которые живут неподалёку.

Подружки уже бегали на первые свидания, а они все вечера проводили вдвоём. Бабушка рассказывала удивительнейшие истории о прошлых временах. Стеша читали вслух старые романы, взятые в библиотеке, затем они обсуждали прочитанное. Бабушка хорошо знала историю России, а также весьма неплохо разговорный французский и немецкий языки, и Стешу учила им с малого возраста. На вопросы девочки, где она получила такое образование, всегда отвечала: – «добрые люди научили»... – и, каждый раз глядя на небольшую старинную иконку, висевшую в углу, осеняла себя троекратным крестом и добавляла, – «упокой господи их души».

Стеша пыталась допытаться, кто они, эти добрые люди, но бабуля в ответ сдвигала брови и скл адывала губы узелком, словно запирая рот на замок. Если же Стеша настаивала, отвечала: – Время не пришло ещё, детонька, об этом говорить. Может быть, когда –нибудь потом...

Бабушка когда – то очень хорошо пела, но после того, как погибли сын с невесткой, перестала не только петь, но и разговаривала словно через силу. Только спустя долгое время, длинными зимними вечерами, похожими на сегодняшний, она тихонько, словно про себя, запевала «лучину». Стеша, тоже имевшая прекрасный голос, потихоньку ей подтягивала. Песня уводила в далёкое прошлое, скорее всего вымышленное или отложившееся в душе из прочитанных романов, но от этого не менее прекрасное. Стеша очень дорожила этими редкими минутами, оставшимися в её памяти на всю жизнь.

На улице пуржило так, что холодный коровник теперь казался уютным домом. Ветер играл дурной силой, со скрипом раскачивая жестяной фонарь над воротами, швырялся клубами снежной пыли и прижимал дверь уборной так, что Стеша едва в неё протиснулась. Когда вышла наружу, подруги уже скрылись в снежной круговерти. Их следы на глазах заметала позёмка. Стеша поспешила вслед за ними. Она бежала, подгоняемая ветром, согнувшись и кутаясь в шаль, и вспоминала приснившийся минувшей ночью сон.

Ей снилась бабушка. Сначала она сидела в горнице, в углу, где до сих пор висела принадлежавшая ей иконка, и смотрела на неё из – под тёмного, надвинутого на лоб платка. Взгляд её был печален, как у богородицы на иконе. Потом обе оказались в саду. Ветер трепал белоснежные простыни, развешанные на верёвке, протянутой между двумя яблонями. Между ними стояла бабушка и снова смотрела на Стешу, словно хотела ей что – то сказать, но не могла вспомнить что. Так часто бывало при её жизни, начнёт о чём – то говорить, а потом остановится на полуслове и позабудет, о чём шла речь.

Говорят, покойники снятся к плохой погоде. И правда, к ночи метель разбушевалась ещё пуще. Стеша бежала, вглядываясь под ноги, чтоб не сбиться с тропинки. Свет фонаря остался далеко позади. Поле накрыла тяжёлая, тревожная, белесая мгла. Слышалось только завывание ветра и едва доносившийся из деревни собачий лай. Она скорее почувствовала, чем увидела перед собой какой – то силуэт. Подняв глаза, остолбенела от ужаса. Перед нею сидел матёрый волк. Он присел на занесённой снегом тропе, по собачьи сместив туловище немного набок, словно поджидал её, зная, что она пойдёт этой дорогой одна.

Стеша замерла на месте, чувствуя, как немеют ноги и руки. Какой страшный конец ожидает её через несколько мгновений. В руках у неё нет даже палки. Бежать нет никакого смысла. Волк догонит её в три прыжка. Затем толчок в спину, перекушенная шея и... Какое – то время они смотрели друг другу в глаза. Сердце Стеши билось тяжело и гулко. Каждый удар отдавался в висках, словно метроном, отсчитывающий последние секунды её жизни. Говорят, в такие моменты вся жизнь пролетает перед глазами, как одно мгновение. Нет, она не помнила и не видела ничего, кроме ледяных волчьих глаз.

Волк продолжал сидеть в той же позе. Чего он ждёт, почему не прыгает? Со стороны оврага послышался вой. Волк поднял голову к небу и откликнулся. Два голоса переплелись в один тоскливый, жуткий, и такой долгий, что ему, казалось, не будет конца. Стеша поняла, что должна что – то делать, иначе её сердце разорвётся от страха. И она закричала, пытаясь заглушить этот бесконечный, рвущий сердце звук.

– Ну что? Что тебе от меня надо?

Волк замолчал. Затем встал и медленно пошел на неё. Стеша в ужасе попятилась. Её нога соскользнула с натопанной дорожки в рыхлый снег, и она упала. Быстро перевернулась на живот, спрятала голову в шаль и поджала ноги под себя. Когда – то она слышала, что люди спасались от волков, притворяясь мёртвыми. Нет, на спасение она не надеялась. Это была чисто интуитивная попытка отдалить свой конец.

Стеша не помнила, сколько времени лежала, затаив дыхание и не шевелясь. Но ничего не происходило. Вместо этого она услышала возле своего уха рычание и лёгкий толчок в висок. Похоже, волк не поверил в скоростижную смерть своей жертвы и решил её реанимировать. Стеша ещё сильнее сжалась в комок. Никакая сила не смогла бы заставить её подняться.

Волк лязгнул зубами, зарычал ещё злее, и несколько раз толкнул её носом в бок, словно хотел заставить подняться на ноги. Затем схватил зубами за шаль, и дёрнул. Судя по его поведению, есть её, по крайней мере сейчас, он не собирался. Стеша поняла, что, лёжа в снегу, замёрзнет раньше, чем её съедят. Нужно было двигаться.

Стеша осторожно отвернула краешек шали и посмотрела на волка. Он стоял рядом в выжидательной позе. Вдруг неподалёку снова послышался вой. Стеша опять уткнулась лицом в снег, сознавая, что теперь уж точно ей пришёл конец. Волк просто ожидал свою стаю. Наверное, он был не очень голоден, раз у него хватило выдержки дожидаться своих сородичей.

Заскрипел снег под лапами, и затеялась свара. Волк, стоявший рядом, злобно зарычал. Похоже, насчёт Стеши у него были свои планы. Она немного осмелела, приподняла голову и стала наблюдать за происходящим. Несколько волков в волнении перемещались с места на место, а тот, что находился рядом с нею, зорко следил за их манёврами. Он скалил огромные клыки и грозно рычал на каждого, кто пытался подступиться ближе, показывая, что делиться

добычей он ни с кем не намерен. Но и они уходить тоже не собирались, а расселись в полукруг и стали наблюдать за его дальнейшими действиями.

Волк снова приблизился к Стеше и стал теребить её за шаль. Похоже, он приглашал её за собой. В данный момент ей нужно было выбирать из двух зол одно, или замёрзнуть или быть съеденной. Старый волк по непонятной причине решил стать её покровителем. А ей нужно было двигаться, чтобы не околеть от холода. Стеша решила ему подчиниться. Она медленно поднялась и встала возле него. Он обвёл взглядом стаю, словно стараясь внушить каждому – никто не смеет коснуться того, что принадлежит ему. Стеша сделала робкий шаг в сторону деревни, надеясь, что он пойдёт за нею. Волк тряхнул головой и повернул в другую сторону.

Стая тут же подступила ближе. Стеша поспешила за волком. Он ещё раз зарычал, словно накладывая вето на свою добычу, и пошел дальше. Ей не оставалось ничего, как следовать за своим неожиданным защитником. Убедившись в её покорности, волк пошел быстрее. Они шли бок о бок, время от времени оглядываясь на следующую по пятам стаю, и удалялись от деревни. Начался спуск в овраг. Внизу было затишнее, но сугробы намело по пояс, а местами и выше. Стеша то и дело спотыкалась и падала. Волк останавливался, проваливаясь по самое брюхо, и терпеливо ждал, когда она поднимется на ноги.

Опять раздался вой, теперь значительно ближе. Казалось, он был полон отчаянья и безнадёжности. Волк, наверное, почувствовал тоже самое. Ответив, он побежал, то и дело оглядываясь на девушку. Стеша боялась отстать хотя бы на шаг, и ей пришлось бежать вслед за ним. Вскоре она окончательно выдохлась и остановилась. Было ясно, что от судьбы не уйдёшь. Кому суждено быть съеденным, в болоте не утонет. Волк вернулся, подошел ближе и зарычал, словно приказывал следовать за ним. Она осела на снег и закричала.

– Не могу, я больше не могу! У меня нет сил. Оставь меня, волк, слышишь, оставь... Ну зачем я тебе нужна? Куда ты меня тащишь, скажи мне?

Она уже не думала о том, что будет дальше. Хотелось одного, зарыться в сугроб, который теперь казался ей тёплым, и наконец – то обрести покой. Стеша уткнулась лицом в ладони и зарыдала в голос, причитая и подывая, подобно раненой волчице.

Озадаченные звери стояли поотдаль и прислушивались к этим непонятным звукам. Стеша вдруг почувствовала на своём лице горячее дыхание и шершавый язык. Волк! Её волк облизывал ей лицо, и слегка покусывал. Похоже, теперь он не требовал, а просил идти за ним. Стеша на долю секунды прижалась щекой к его лохматой голове. Чутко посидев, успокоилась и поднявшись на ноги, сказала:

– Ну что, волк, пойдём. Ты же привёл меня сюда не просто так...

Волк метнулся было вперёд. Но, вспомнив про идущую вслед за ними стаю, вернулся обратно и снова пошел в ногу с нею, как дрессированная овчарка, исполняющая команду «рядом». Метель прекратилась. Небо вызвездило и стало намного светлее. Они спустились на самое дно оврага, когда впереди раздался шорох. Под молодой ёлочкой лежала волчица. Волк бросился к ней и стал облизывать её шею. Потом повернулся к Стеше и посмотрел ей в глаза. Взгляд его зеленых глаз был тяжел и суров, но девушке показалось что между ними возникло взаимопонимание.

– Что, волк, это твоя подруга? – спросила Стеша. – Что с нею? Никак попала в капкан?

Она присела рядом с волчицей и стала её осматривать. На шее у неё была туго затянутая проволочная петля, привязанная к стволу. Похоже, волчица погналась за зайцем и попала в расставленные силки. Дышала она хрипло и прерывисто. Стеша нашарила в кармане гвоздь, служивший ей вместо ключа, вставила в петлю скрутки и стала вертеть. Пальцы мигом сковал мороз. Стеша отогревала их своим дыханием и продолжала крутить и расшатывать петлю до тех пор, пока она не отломилась. Удавка ослабла, и Стеша легко сняла её с волчьей шеи.

Волчица несколько секунд лежала неподвижно, приходя в себя. Волк стоял рядом, обнюхивал и подталкивал её носом, поглядывая на Стешу, словно хотел спросить, всё ли она сде-

лала, что могла. Наконец волчица села и покрутила головой, не веря, что свободна. Потом, словно что – то вспомнив, вскочила на ноги и побежала. Волк припустил за нею.

– Эй, волки! – воскликнула Стеша, поспешая за позабывшей о ней парочкой, – А как же я? Вы хотите оставить меня на съедение стае? Мы так не договаривались...

Волк остановился и внимательно на неё посмотрел. Волчица побежала дальше, даже не оглянувшись. Стая остановилась на месте.

– Или теперь, когда я вам не нужна, меня можно и бросить, а ещё лучше, съесть? – ворчала Стеша, перебираясь через сугроб. – Нет, ребята, теперь я от вас не отстану, мне без вас нельзя. Уж больно у вас родня не надёжная. Как – нибудь потерпите меня до утра, а там как бог даст.

Волк неожиданно оскалился и зарычал.

– Вот тебе и раз, – растерялась Стеша, – только что, можно сказать, обнимались, а теперь дружба врозь? Волк, да ты, оказывается, хуже человека? Этого просто не может быть.

Волк отвернулся и неспешно потрусил вслед за волчицей. Теперь ему не было до неё никакого дела. А чего она от него ожидала? Что он, в благодарность, проводит её до дома? Сам не съел и другим не дал, и на том спасибо. Волк уходил, а Стеша брела за ним, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь. Стая отстала, растворилась в серой мгле. Может ушла искать новую добычу, может залегла где – то неподалёку, а она продолжала упорно преследовать волка.

След волчицы привёл их к поваленному толстому дереву. Под его вывернутым комлем, между растопыренными корнями скрывалось волчье логово. Волк остановился у темного провала и прислушался. Из ямы слышалась возня и довольное урчание.

– Волчата... – прошептала Стеша. – у тебя есть волчата. У тебя есть семья, ради которой ты нашёл меня, притащил в этот овраг, заставил помочь твоей волчице. А меня никто не ждёт и не ищет...

Волк запрыгнул на ствол дерева и завыл долго и жизнеутверждающе. Затем застыл, словно изваяние, успокоенный, и может быть, даже счастливый. Стеша присела на дерево рядом с ним, не зная, что делать дальше. Вскоре она почувствовала, что начинает остывать. Её стала бить мелкая дрожь. Ни сидеть, ни стоять на месте было невозможно. Идти некуда. Волки покидать своё логово пока не собирались. Бежать домой одной через овраг страшно, стая могла быть где – то рядом. Её начало клонить в сон.

– Извини, волк, – прошептала она, – я чуток прикорну тут, в уголке.

Она опустилась на землю, немного разгребла снег и вытянулась вдоль ствола, испытывая облегчение от того, что наконец – то смогла выпрямить спину и расслабиться.

Зимой светает поздно. Деревенские, по привычке, ещё затемно уже на ногах. Пока солнце поднимется, у них уже и скотина накормлена, и печь натоплена, и обед приготовлен. Поэтому весть о том, что доярка Стеша Буренкова сгинула незнамо куда, облетела деревню Супруновку ещё до рассвета. Такого, чтобы кто – то из местных пропал вот так, ни с того, ни с сего, в деревне не бывало. Ладно бы ещё мужик. С мужиками по пьяни случалось всякое, но чтоб женщина, да ещё такая тихоня, как Стеша...

Стеша рано осиротела. Растила её одна бабушка. Появилась она в деревне с сыном, которому в то время было лет семь. Прошел слух, будто она являлась внучкой каких – то декабристов. Правда это или нет, никто доподлинно не знал, хотя по тонкому складу её лица, рук и всей фигуры, а также по манере себя держать было понятно, что роду она не простого. О себе она толком ничего не рассказывала и чужими делами тоже не любопытствовала. Жила тихо, как все. Работы не боялась, растила сына, женила, помогала нянчить внучку, пока не грянула беда, и она не осталась одна с маленькой Стешей на руках. Девочка росла худенькой да бледненькой, но вытянулась высокая, стройная и светленькая, чисто берёзка. А голоском звонка, словно соловушка. В школьной самодеятельности выступала, так вся деревня собиралась её

слушать. А когда пела «догорай, гори моя лучина, догорю с тобой и я», женщины не могли сдержаться слёз.

Анна не чаяла дожить, пока она вырастет. Боялась ещё раз оставить девчонку сиротой. Когда Стеше исполнилось семнадцать, за ней стал ухаживать Митяй. Он как раз отслужил в армии, немного повидал белый свет и держался так, будто сам чёрт ему не брат. Тогда он ещё не потерял армейской выправки, привычки ежедневно бриться и вовремя стричься, звался непривычным для деревни именем Димка и был ничуть не похож на себя теперешнего – вечно обросшего, обрюзгшего и дышащего перегаром Митяя.

Доверчивая и неопытная Стеша безоглядно отдалась чувству первой любви. Бабка отнеслась к её ухажеру настороженно, однако препятствовать их роману не стала. Кто по молодости не куролесил... Время придёт, глядишь и поумнеет. К тому времени она уже была совсем плоха, и радовалась хотя бы тому, что, когда придёт её пора сложить руки, внучка будет не одна. У Митяя было ещё два брата, поэтому молодым пришлось жить у неё. Матвеевна приняла зятя в свой старый, осевший дом с открытой душой. Даже свадьбу какую – никакую справила с помощью соседей. Только никчёмный оказался зятьёк, лодырь и пустельга, да ещё и пьяница. Так с беспокойной душой вскорости и умерла.

– Я не знаю, почему она нас не дождалась. Вечером у них в окнах горел свет. Мы и подумали, что она прибежала домой вперёд нас. – всхлипывая, рассказывала Стешина подруга, маленькая пухлощёкая Надя Осипова. – Утром на работу идём, опять свет горит. Стали её кликать, тишина. Еле Митяя добудились. Он и сказал, что она, по всем приметам, дома не ночевала. Убью, говорит, сучку...

– Слышь, Митяй, по каким – таким приметам? – спросил участковый Яков Фомич.

– Так в избе холодно, значит печь со вчерашнего дня не топлена, – ответил Митяй.

– А на ферме заночевать она не могла? Может, ты погонял бабу, а она, разобидевшись, домой и не явилась?

– Да не, не было такого... – Митяй в задумчивости почесал лохматую голову, и, нахлобучив поглубже давно потерявшую форму шапку, повторил. – Я её давно уже не трогал.

– Знаю я твою подлую натуру. Как выпьешь, так герой хоть куда. А вот поработать тебя нет. Одна только Стешка и корячится.

– Так а куда идти – то? На ферму, навоз таскать?

– А хоть бы и навоз.

– Да нет уж, спасибо за такое предложение. Навоз я не таскал и таскать не буду. Я больше по строительству. Вот потеплеет, тогда и работа найдётся.

– Найдётся, да только толку от этой твоей работы никакого. Ты ж за одни только магарычи и работаешь.

– А что делать, когда у людей нету денег? Не буду же я у бабок последние копейки из рук вырывать... А насчёт того, когда она ушла – пришла, я не знаю. Я за нею не слежу.

– А когда тебе следить, ты сам от неё бегаешь. Всё боишься куда – то на стопку опоздать.

– Да ладно... – протянул Митяй, и, опять поправив шапку, поспешил перевести разговор на Стешу, – А чё за ней следить – то? Куда она денется?

– А вот вишь ты, делась. Может, ушла на ферму одна?

– Так ведь нет же нигде ни следочка, ни во дворе, ни за двором. – возразила Зина Евсева, – Да и не ходим мы потемну по одиночке, боязно. Говорят, в овраге волки появились.

– Верно, – подтвердил местный охотник Кирюха, длинный и нескладный, словно верста коломенская, парень, живший через три дома от Буренковых, – сам – то я не видел, я больше на зайца хожу, а Ивантеевские мужики рассказывали, что им приходилось. Да и овцы у них стали пропадать.

– Ладно... – согласился Яков Фомич, – Савелий, сбегай – ка на всякий случай в контору, позвони на ферму. Ежели её там нет, пойдём искать. А то мало ли что, может человека уже и в живых нет.

При этих словах кто – то жалостливо вздохнул, кто – то всхлипнул. Кто – то начал вспоминать, какой Стеша была доброй, смирной и работающей, а этот «проклятый алкаш» сгубил всю её молодую жизнь.

Митяй протестующе передёрнул плечами. В то, что со Стешей могло случиться что – то страшное, он не верил. Да и что с ней может произойти? Она такая тихая, рассудительная. Всего боится, ни во что не вступает, как говорится, лишний раз не споткнётся и воды не замутит. Бабкино воспитание. Та тоже жила по принципу «не буди лихо, пока тихо», шептунья. И эта шептунья упёртая. Это она от вредности такая тонкая, звонкая да прозрачная. Из – за этой своей упёртости и получает. Меньше бы мужу перечила.

Как в тот раз, когда дитёнка скинула. Разве он этого хотел? Не хотел... А она давай воспитывать, примеры всякие про других приводить. А вот не надо. Другие они и есть другие. Им всё мало. И ей мало, иначе б не высчитывала, сколько надо на люльку, сколько на коляску, на памперсы и ещё черт знает на сколько всякой ерунды. Раньше ничего этого не было, и обходились, и все выросли, живые и здоровые.

А вот он не такой, он не жадный. Ему и так хорошо. И если выпьет чуток, так кому от этого плохо? Ей? А ты мне в душу не лезь, и всё будет хорошо. Нечего в неё лезть, душа она и есть душа. И нервы не железные. А она... Такая вся из себя правильная, прямо ангел небесный, а ты против неё словно последний дурак. И откуда только такие берутся? Вот и наравалась на кулак. Зато после присмирела, стала как шёлковая. И молчаливая, бывало, за день слова не вытянешь. Кому чужому скажи, что раньше пела, словно соловушка, не поверит. Теперь не поёт. Иногда только затянет свою «лучинушку», опять же будто нарочно душу из тебя выматывает. А больше ничего.

– На ферме её нет. – крикнул Савелий ещё издали.

– В общем так, Степаниду надо искать, – постановил Яков Фомич. – прямо сейчас и пойдём. Пока до фермы дойдём, как раз рассветёт. Кирюха, возьми – ка свою собачку. Хотя ночью такое мело, что следов не найти...

– А ничего, Яков Фомич, я всё равно возьму. Валет у меня пёс знатный, у него знаете какой нюх!

– Ну давай, бери. Мы пойдём потихоньку, а ты догоняй.

По деревне шли толпой. За околицей разошлись широким полукругом. Снег лежал почти в колено. Мороз наутро стал ещё крепчать. Парок, клубящийся из ртов, тут же оседал на воротниках и платках пушистым инеем. По всему полю не было видно ни единого тёмного пятнышка, кроме стоявшей поотдаль фермы.

Там уже топилась в бытовке печь. Дым ровным столбом упирался прямо в небо.

Пока дошли до фермы, восток начал светлеть. Сторож Евсейч возился у ворот корпуса, расчищая снег широкозахватной фанерной лопатой и потягивая «приму». Когда подошли ближе, гулко откашлялся и спросил:

– Ну чего, не нашли?

– Не нашли. – ответил Фомич, – Куда она могла деваться?

– Да деваться – то вроде некуда. Заплутать не могла, весь бугор как на ладони почитай от оврага до самой деревни.

– Ну это в хорошую погоду как на ладони. А с вечера куролесило так, что за три шага ничего не видно. Могла и завернуть не туда, куда надо.

– Ну так она ж была не одна. Другие – то не потерялись?

– Выходит, одна. Никто не видел, когда она ушла и куда.

– Тогда дело плохо... – задумчиво сказал сторож.

– Почему плохо?

– Ночью тут неподалёку выли волки. И не раз.

По толпе волной пронёсся тяжелый вздох. Надя Осипова заголосила, как по покойнику. Кто – то сердито цыкнул, мол, нечего человека оплакивать раньше времени, авось обойдётся.

– Ну что, надо искать далее. – сказал Фомич. – Только вот куда идти?... Маловато нас, сюда бы в помощь роту солдатиков.

– Может, пройтись по оврагу? – предложила Надя.

– Тоже мне придумала, по оврагу. Там, если что, теперь и костей не сыщешь.

Надя пошлёпала варежками себя по губам и опять заплакала.

– Митяй, а ты чего молчишь? Чай, это твоя жена. Ты бы куда пошел её искать, в какую сторону?

– Я? – Митяй снял шапку и потёр темя. Голова сильно болела. Зря вчера они с Матюхой намешали чего не попадая. И пиво, и самогон, и «ландыш». Вот она теперь и не соображает.

– Ты – ты. Может есть мысли, куда б она могла податься?

– Да откуда ж я могу знать? У меня за пазухой нету этого, как его, Соломона.

– Мозгов у тебя нету... – сердито сказал Фомич, и, махнув рукой, предложил, – Ладно, давайте так. Ветер у нас дул откуда? От фермы, в сторону деревни. Пойти против ветра она не могла. Значит, хоть как, а всё равно должна была идти в сторону дома. Если б, не дай бог, волки, след какой – никакой всё равно бы остался. Значит, должна быть живая.

– А может следы занесло снегом... – вставил кто – то из толпы.

На него тут же зашикали

– А ты не каркай.

– Тьфу на тебя!

– А я что? Я просто так...

– Просто так за пятак...

Пока судили – рядили, солнце поднялось до половины, окрасив небо в кроваво – красный цвет. В морозном воздухе искрились мельчайшие снежные пылинки.

– Короче так, давайте сначала пройдем через поле, в сторону оврага. Вон до того ду...

Яков Фомич замер на полуслове с открытым ртом и поднятой рукой, указывающей на дуб. Все обернулись по направлению его взгляда и разом ахнули. От оврага шла женщина. Шла очень медленно, пошатываясь и спотыкаясь, волоча за собой шаль с таким трудом, будто весила она целую жизнь.

– Стеша... Это же Стеша, подруженька моя дорогая! – завизжала Надя, и бросилась к ней навстречу.

– Ах ты, мать твою... – рявкнул Митяй, швыряя шапку о снег, – Её тут вся деревня ищет, а она, сука...

– Ну ты, гнида!... – заскрежетал зубами Кирюха, хватая его за грудки.

Стеша нравилась ему ещё с ранней юности. Но худенький, нескладный паренёк не осмеливался признаться в своих чувствах, хотя, втайне ото всех, твёрдо решил жениться на ней сразу же, как только отслужит в армии. Однако случилось так, что Митяй опередил его, вернувшись со службы на полгода раньше. Кирилл знал о её неудавшемся браке, и продолжал жить надеждой, что рано или поздно они с Митяем расстанутся. И тогда уж он, не медля ни минуты, придёт и расскажет ей о своей давней любви, и заживут они всем на зависть. И будет он её жалеть и беречь, потому что такая девушка, как Стеша, достойна самой лучшей судьбы. Зина Евсеева и соседка тётка Меланья тоже воспользовались случаем отомстить за Стешу, которую им не раз приходилось вызволять из его пьяных рук, и отвели душеньку, натолкав Митяя кулаками в спину. Подсочивший Валет закружил вокруг них, норовя цапнуть его за ногу.

Надя почти успела добежать до Стеши, когда та упала и больше не поднялась. Из больницы Стешу выписали через неделю. О случившемся с нею писали многие газеты, хотя она и

старалась как могла избегать общения с настырными журналистами. Поэтому писать им приходилось больше по пересказам деревенских жителей, хотя это их нисколько не смущало.

Всё то, что произошло в ту зимнюю ночь, ей хотелось забыть, и как можно быстрее. Однако, чем дальше, тем чаще перед нею возникали всё новые и новые картины той страшной ночи. Толи услужливая память подсказывала то, что она видела, но не запомнила из – за стрессового состояния, толи разум сам домысливал то, чего на самом деле не было и быть не могло, но всё теперь виделось несколько иначе. Стоило закрыть глаза, как перед нею опять возникал старый волк. Он то сидел, глядя ей в глаза, то стоял на поваленном дереве и выл на луну, такую огромную и близкую, словно она находилась не высоко в небе, а висела, запутавшись в ветвях старого дуба, росшего на краю оврага.

Чем дальше, тем сильнее она верила в то, что преследовавшая их стая действовала заодно с защищавшим её вожаком. И не нападала она, а, наоборот, помогала ему направлять её в овраг, на помощь волчице. Ещё ей казалось, что в полусне она чувствовала тепло от лежавших рядом волков, согревавших её своими телами. Иначе как объяснить то, что, проспав на снегу несколько часов в лютый мороз, она не только не замёрзла, а даже не обморозилась. Когда она проснулась, рядом не было никого. А может, никаких волков не было вообще, а водила по её кругу какая – то тёмная нечисть... Стеша долго выбиралась из оврага, не раз забираясь по сухому сыпучему снегу до половины крутого склона и скатываясь обратно. И опять ей виделись серые тени, мелькавшие неподалёку до тех пор, пока она не вышла навстречу искавшим её людям. Все свои сомнения и догадки Стеша держала при себе. Как всё было на самом деле, теперь уже не узнаешь, а делиться своими фантазиями ей не хотелось ни с кем. Не хотелось, чтобы люди думали, будто она повредила рассудком, и смотрели на неё, как на прокаженную.

Зима близилась к концу. Прошла февральская оттепель, побаловав недельку южными ветрами, заметно прибавившимся днём и ярким солнышком, а потом опять завьюжило. Однажды, в такую – же метельную ночь, ей не спалось. Она сидела перед телевизором в стареньком кресле, и бездумно щёлкала пультом управления, переключая каналы. Митяй, как всегда, опять где – то загулял. В последнее время он стал вести себя ещё хуже. Пил без просыху и откровенно над ней издевался. Не мог простить, что люди встали в её защиту. А главное, вся деревня теперь потешалась над тем, как бабы насовали ему толкунов.

За окном завывал ветер, навевая грусть и тоску. По одному из каналов шел концерт русской народной музыки. Стеша укутала плечи платком, уселась поудобней и стала слушать.

– Степь да степь кругом, путь далёк лежит... – слаженно пел хор.

Стеша любила русскую песню, и, сама того не замечая, начала потихоньку подпевать. Песня закончилась. Ведущая объявила «лучину». Струнный оркестр начал играть вступление. Мелодия лилась нежным, омывающим душу ручейком. Ветер за окном свистел в такт музыке, как будто кто – то наверху выдувал его по нотам. Так хорошо и умиротворённо Стеша не чувствовала себя с тех времён, когда была жива её бабушка. В это время на улице залаяли собаки. Их Шарик буквально выходил из себя. Всех соседей он знал хорошо, и лаял на них беззлобно, чисто для порядка. Значит, мимо двора прошел кто – то чужой.

Стеша не боялась оставаться дома одна. Воровать у них нечего, а обидеть её мог скорее свой собственный муж, чем кто – то из соседей. Она с самого детства жила спокойной, размеренной жизнью, и никак не могла привыкнуть к шепутному характеру своего мужа. Его шутки, поначалу казавшиеся весёлыми и остроумными, давно уже приелись и вместо веселья вызывали раздражение. А бесконечные рассказы о количестве выпитого, и о том, кто в какую историю после этого выпитого влип, казались ущербными. Попытки приобщить его к тому, что любила она сама – чтению книг и стихов, заканчивались ничем. Он либо тут же засыпал, либо снова переводил разговор на свою излюбленную тему.

Часто, рассказывая о своём очередном приключении, Митяй ловил на себе её недоумённый взгляд. Тогда он замолкал, и, сплюнув, высказывал покурить, а то и вовсе уходил на всю

ночь к своим друзьям – собутыльникам. Там его принимали и уважали таким, каким он был, и не собирались перевоспитывать. Поначалу Стеша его догоняла и пыталась помириться, но постепенно поняла, что чем больше его уговаривать, тем сильнее возрастает в нём желание покуражиться. Их разборки, зачастую сопровождавшиеся рукоприкладством, затягивались до самого утра. Потом Митяй укладывался спать, а измученная и опустошенная Стеша уходила на работу.

Теперь отсутствие мужа её уже не волновало. Она предпочитала коротать вечера в одиночестве, за книгой или перед телевизором. Стеша добавила звук, чтобы собачий брех не мешал слушать любимую песню, и включилась в неё сама.

– То не ветер в поле воет, не дубравушка шумит...

В сенях хлопнула дверь. Но она так увлеклась пением, что не обратила на стук никакого внимания.

– То моё, моё сердечко стонет, как осенний лист, дрожит...

Комнатная дверь широко распахнулась, и в неё ввалился Митяй, едва державшийся на ногах. Прямо с порога начал цеплять Стешу.

– Опять воешь... Как же ты достала со своим нытьём, сил моих больше нет. И что ж тебя волки – то не сожрали? А потому не сожрали, что не захотели. Слышь, Стешка, страхота ты моя писаная, на тебя даже волки не позарились. В тебе ведь и жрать – то нечего, как говорится, ни спереди, ни сзади, одни мослы и больше ничего.

Хорошего настроения как не бывало. Стеша молча встала и начала стелить постель.

– А разговаривать с простыми смертными нам не почину? – с издёвкой продолжил Митяй, швыряя на стол смятую газету, – ну да, куда нам до вас... О вас тут газеты пишут целые романы. А мы ни пляшем, ни поём, только хлеб сухой жуём. Ну, чего молчишь, звезда? Соизволь мужу хоть словечко молвить, осчастливь...

– Отстань ты от меня за ради бога... – отмахнулась Стеша.

– Что значит отстань? Я тебе муж или кто? А я знаю. Я тебе никто. Вот Кирюха, это да. Ишь как он за тебя рубаху – то рвал... Нет, ты мне скажи, почему он за тебя, чужую жену, меня, твоего мужа, за грудки таскал, а? И эти две суки тоже туда же... Почему?

– Откуда я знаю? Чего ты ко мне привязался? Ложись лучше спать, уже полночь, а ты все колотишься.

– Спать... Она посылает меня спать. А я не хочу спать. Я хочу знать – что, как, зачем и почему? Объясни мне, дураку, и чтоб всё по уму... Вот так!

Митяй стукнул кулаком по столу, потом схватил Стешу за плечо, резко развернул к себе лицом и ударил по щеке. Стеша закрыла лицо руками. Он ударил её ещё раз по голове. Она вырвалась, схватила висевший у двери тулуп, и, как была в комнатных тапочках, выскочила на крыльцо. В окно было видно, что Митяй обувается, собираясь в погоню. Стеша отбежала подальше в сад и встала за старую яблоню. Горькие слёзы застилали глаза. Она зажимала рукой себе рот, чтобы не зарыдать во весь голос.

Митяй вышел на крыльцо и стал оглядывать двор. Заметив на снегу оставленный ею след, усмехнулся и пошел по нему к дереву, за которым пряталась Стеша.

– Ау, женаа! Хочешь поиграть в прятки? Я не против, давай поиграем. Чур, я иду искать, а кто плохо спрятался, того будем убивать. Слышь, Стешка, убивааать! Сейчас отведу тебя к оврагу, придушу и оставлю на съедение волкам. И всё будет шито крыто. А ведь неплохая идея, правда? Так что, будем играть или сама пойдешь, по – хорошему?

Стеша бросилась бежать в глубь сада, но Митяй догнал её, и, схватив за воротник тулупа, стал толкать впереди себя к калитке.

– Оставь меня, – закричала Стеша, пытаясь вырваться из его цепких рук, – чего ты хочешь?

– Чего я хочу? Я тебе уже сказал, чего я хочу. Ты меня достала, унизила перед всей деревней, и за это заплатишься. Такие суки, как ты, жить не должны.

– Я ни в чём не виновата и ничего плохого не делала.

– Ничего она не делала... А глазки Кирюхе кто строил, я?

– Да с чего ты взял, что я строила глазки? Никаких глазок я никому не строила.

– А по – твоему, я совсем дурак, – всё больше распалялся Митяй, подгоняя её в сторону оврага, – ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю? Зря, что ли газетчики за тобой, как кобели за сучкой, бегают? Ишь ты, звезда... Будет тебе сейчас и звезда, и небо в алмазах.

– Хватит, Митя, мне холодно. У меня ноги промокли. Я тебя прошу, пойдём домой...

– Она меня просит! – гоготнул Митяй, – поздно, мать... Сейчас скормлю тебя волкам, тогда и пойду спать. А утром Кирюха опять пойдёт тебя искать. И я пойду, буду ему помогать. Буду очень стараться, потому как к утру не останется от тебя ни следочка. Вишь, как метёт?

– Да ты совсем сошел с ума... Почему это ты решил, что волки съедят именно меня, а не тебя?

– А тут арифметика очень даже простая. Ты баба, а я мужик. Кто из нас будет помягче и послаще? Конечно, ты. Вот то – то же.

В это время где – то неподалёку раздался волчий вой. Стеша невольно прижалась к мужу, ища защиты у того, кто вёл её на смерть. Да она и не верила в то, что он действительно этого хотел. Как обычно, ему захотелось покуражиться, показать, что и он чего – то стоит, но обида и пьяная удаль не позволяли остановиться. Митяй мигом протрезвел. Он попятился, таща Стешу за собой, и оглядываясь по сторонам в поисках опасности. Волки снова завывали в несколько голосов. Они были где – то рядом, но на глаза не показывались. Митяй некоторое время продолжал пятиться, потом схватил Стешу за руку и оба побежали что было сил. Волки завывали ещё раз, словно предупреждая людей о том, кто хозяин этой территории, и затихли. В крайнем дворе заскулила собака, робко и тоскливо. Ей ответила другая и, словно осмелев, чувствуя поддержку, обе остервенело залаяли. Им ответили другие, и лай покатился по деревне, переливаясь из края в край, словно вода в половодье.

Вернувшись домой, Митяй снова растопил погасшую печь и поставил на неё две кастрюли воды. Пока они грелись, оттирал Стешины ноги снегом, а потом долго отогревал горячей водой. Хорошенько распарив, бережно вытер махровым полотенцем, взял на руки, словно маленького ребёнка, и уложил в постель. Прибрав в комнате, лёг рядом и прижался к Стеше. Она лежала, сложив руки вдоль тела и вытянувшись в струнку, а он время от времени вздрагивал и обнимал её ещё сильнее. За всё время они ни сказали друг другу ни слова.

Глава 2

С той поры всё в ней изменилось. Стеша работала на ферме, как и прежде, только стала ещё молчаливей, такой, какой была её бабушка. Дома старалась занять себя делом, однако её руки сами выполняли привычную работу, а мысли блуждали где – то далеко. В дурную погоду, поздними вечерами, она часто подходила к окну, долго глядявалась в темноту и вслушивалась в завывания ветра, словно хотела услышать и понять что – то тайное и важное. Когда Митяй в такие минуты обращался к ней, она не слышала, или делала вид, что не слышит, а если он продолжал требовать ответа, смотрела на него тяжёлым взглядом, и казалось, что ещё немного, и она вззоет подобно раненой волчице. Однажды Митяй не выдержал и закричал:

– Чего ты туда засмотрелась? Что ты там увидела? А может кого – то ждёшь? Уж не Кирюху ли? Говори сейчас же...

Стеша стояла не оборачиваясь. Митяй решил посмотреть, что привлекает её взгляд, подошел к окну, и отдернув занавеску, посмотрел в темноту. Прямоугольник света падал на поленицу, сложенную напротив окна. На ней сидел огромный пёс, очень похожий на волка,

и смотрел прямо на него. Митяй знал всех собак в округе наперечёт, но такого не было ни у кого, это он знал точно. Митяй постучал костяшками пальцев по стеклу и крикнул «а ну пошёл отсюда!».

Пёс ошетинился, и, оскалившись, резко подался вперёд, словно собирался прыгнуть. Видимо, тонкого оконного стекла он не замечал или преградой для себя не считал. Митяй ощутил пробежавший по спине холодок, отшатнулся от окна и задёрнул занавеску. Повернувшись к Стеше, увидел холодный, невозмутимый взгляд и слегка искривлённые в насмешливой полуулыбке губы. Точно так смотрел на него зверь, сидевший за окном.

– Ведьма!!! – закричал Митяй, пятась от неё, – да ты же ведьма... Не зря тебя даже волки не тронули... Ничего, завтра мужики будут делать на них облаву. Повыбьют всех до единого.

В глазах Стеши блеснула тревога.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

– Мужики рассказывали. Кирюха с охотниками договорился, а их приглашал в загонщики. Ивантеевские тоже придут. И я пойду.

Стеша медленно сняла с гвоздя тулуп, накинула на плечи и открыла дверь.

– Ты куда это собралась? Вернись сейчас же, дура! – крикнул Митяй.

Стеша на его крик не обратила никакого внимания и молча вышла на улицу. Митяй бросился к двери, начал обуваться, но замешкался, не попадая в голенище. Плюнув, отшвырнул сапог в сторону и подбежал к окну. Зверь по – прежнему сидел на поленице. Стеша стояла напротив него и что – то говорила. Казалось, ещё немного и эта дикая тварь начнет лизать ей руки.

Когда в окне появился силуэт Митяя, повернул голову и, глядя на него, снова ошетинился. Стеша тоже оглянулась. Не сводя с Митяя глаз, вспыхнувших зеленоватым светом, шагнула ближе к зверю и повела головой, словно приглашая мужа сделать то же самое. Пёс спрыгнул с поленицы, и встал рядом с нею. Митяй в сердцах задёрнул шторку, присел к столу, и, обхватив голову руками, задумался. Выходить из дома не стоит. Стешка в его заступничестве не нуждалась, это факт. С нею явно творится что – то непонятное. Похоже, она тронулась умом и потеряла страх, а бог блаженных любит и бережет. Иначе чем можно объяснить всё то, что произошло с нею за последнее время. А вот сам он сто раз подумает, прежде чем выйти на улицу с наступлением темноты теперь, когда вокруг творится эдакая чертовщина.

Вернулась Стеша минут через десять. Её лицо было спокойным, можно сказать, отрешенным, словно у лунатика. Молча раздевшись, легла в постель и отвернулась к стене.

Утром Митяй проснулся, когда солнце уже было высоко. Жена давно ушла на дойку. Первым делом выглянул в окно, на ярко освещённую поверхность поленицы, на которой ночью сидела собака. Конечно, увидеть её Митяй не ожидал. Понятно, что она давно убежала, но следы от её крупных лап должны были остаться. Однако, никаких следов на поленице не было.

Не веря своим глазам, накинул на плечи куртку, сунул ноги в обрезанцы и поспешил к двери. Тщательно осмотрев весь двор, нашел только два следа. Один, припорошенный снегом, был его собственный, тот, что он протоптал ночью, возвращаясь домой. Второй, свежий и чёткий, оставлен Стешей, уходившей на работу. Он вёл прямо от порога на улицу, где смешался со следами её подруг.

Митяй долго стоял, разглядывая свежую порошу и вспоминая всё, что было ночью. Судя по следам, вернее по их отсутствию, никакой собаки на поленице не было. Неужели всё это ему приснилось? Он поскрёб небритую щеку, кашлянул и, сплюнув, неожиданно для себя опасно оглянулся. Опомнившись, сердито пробормотал: – «Да, с такой женушкой недолго и свихнуться»...

Пришла весна. Земля стремительно покрывалась зеленью, словно спешила поменять изношенное за зиму платье на яркий праздничный наряд. Да и пристало ли ей оставаться

в старье в то время, когда на небесах творилось нечто невообразимое. Раньше Стеша могла подолгу наблюдать, как в вышине ежеминутно перекраивались и менялись удивительной красоты уборы для весны, с неумолимостью капризной невесты перебиравшей платья, которые ей без устали подбрасывал прислужник – ветер. Как перегонялись по небу стада облаков, перестраивались воздушные замки. Вслушиваться в ошалелый птичий щебет.

Теперь Стеша не замечала безудержного весеннего сумасшествия. На душе было пусто и холодно. Не было в ней чувства радостного обновления, которое наступало каждую весну, жажда жизни сменилась апатией и равнодушием. На ферме работы прибавилось, коровы телились ежедневно и требовали дополнительного внимания и сил. Но Стешу это только радовало возможностью оправдать задержки на работе занятостью, да и физическая усталость оставляла меньше времени на раздумье.

Однажды, в ясное весеннее утро, вилля по дороге, объезжая и ныряя в ухабы, по деревне проехала черная иномарка. Встречая редких прохожих, она останавливалась и трое молодых людей, сидевших в ней, расспрашивали, как проехать к дому Стеши Буренковой.

Митяй, отсыпавшийся после вчерашней попойки, как раз выскочил по нужде в семейных трусах и растянутой до колен майке непонятного цвета, когда машина притормозила возле их двора. Он едва успел юркнуть за старый, разросшийся куст сирени. Укрытие было весьма жиденьким, так как листва ещё толком не распустилась, но, если присесть пониже, никто тебя не заметит.

– Кого это чёрт принёс в такую рань?... – проворчал Митяй, вздрагивая от холода.

Яркое солнышко, пригревавшее сквозь окно, оказалось обманчивым. Пробежаться бодрячком до туалета и обратно было бы нормально, но сидеть на сквозняке, тянущем из – за угла, да ещё после тёплой постели было не очень то уютно.

Тем временем из машины вышли трое. Два парня, высокие, стройные и спортивные, в тёмных очках, чёрных кожаных косухах и джинсах. Первый с затейливой причёской в виде тщательно выстриженных зигзагов на висках и такой же фасонистой бородкой, в левом ухе серьга в виде креста, на шее серебряная цепочка с крупным медальоном в виде черепа. Второй с тёмными волнистыми волосами до плеч. Парни были примерно его возраста, хотя поверить в это было трудно. Пропитый, опустившийся Митяй выглядел старше них как минимум лет на десять, а то и больше.

Третьей была девушка в такой же куртке и рваных джинсах, с тонким бледным лицом и огненно – рыжими, стриженными под прямое каре волосами, делавшими её похожей на инопланетянку.

– Хозяева!!! – крикнул зычным голосом тот, который с бородкой.

Митяй наклонился ещё ниже и натянул майку на озябшие колени. Появляться перед этими щёголями в таком наряде и, как всегда, небритому и лохматому, ему почему – то не захотелось. А они неторопливо прохаживались вдоль забора, время от времени окликая хозяев, разглядывали их покосившуюся, вросшую в землю избушку, о чём – то переговаривались, размахивая руками, и улыбались. До Митяя долетали только некоторые непонятные слова – самобытность, ракурс, колоритность.

– Может это покупатели? – пронеслось в Митяином мозгу, воспалённом после выпитого вчера первача, и настойчиво требовавшем опохмелки, – сейчас многие олигархи любят селиться в глубинке... А я тут сижу, как дурак, и теряю покупателей... Только сначала надо подумать, сколько мне за это имение запросить, чтоб не прогадать... Тут всё – таки и сад, и погребок, и воздух не то что в городе, и вообще участок золотой. А у них, небось, денег куры не клюют, так что особо торговаться не станут. Голова Митяя пошла кругом от предчувствия удачной сделки, а главное, следовавшего при этом традиционного магарыча. Первач, естественно, эти господа употреблять не захотят, наверняка они привыкли к виски, джину или

ещё к чему получше. Вполне возможно, в их машине всё это есть, или, на худой конец, хотя бы бутылочка пивка, которая прямо сейчас помогла бы ему привести организм в равновесие.

Эта мысль заставила Митяя забыть о своём неприглядном виде. Он решил выйти из укрытия, чтобы обговорить все вопросы с покупателями, и начал было с трудом подниматься, но в это время второй парень достал из машины видеокамеру, причём не маленькую, какие есть теперь у многих односельчан, а настоящую, большую. Такими, он не раз видел по ящику, снимают на телевидении. Парень привычным жестом поставил её на плечо и начал снимать их халupu.

– Это ещё зачем? – удивился Митяй, снова сворачиваясь в бублик и пряча голову между колен. Неровен час, попадёт сиреневый куст в кадр, сильный объектив наверняка просветит его, как рентген, насквозь, и покажет то, что за ним прячется. И хорош же он будет в своей засаде. Однако долго выдерживать такую позу было непросто. Голова гудела колокольным набатом, возражая против непривычного соседства с коленками. Давно не утруждавшаяся физическими упражнениями спина откровенно угрожала радикулитом, желудок тоже был возмущен оказываемым на него давлением и порывался исторгнуть содержимое прямо здесь и сейчас. Мочевой пузырь вообще держался из самых последних сил.

Помощь пришла в виде его заклятого врага Кирюхи. Заметив незнакомцев, топтавшихся у Стешиного двора, он подошел узнать, кто они такие и чего хотят.

– Добрый день! – доброжелательно встретил его парень с бородкой, – вы не подскажете, где живёт Стеша Буренкова?

– Здравствуйте! – ответил Кирилл. – Так вот здесь она и живёт, в этом самом домишке.

– Похоже, дома её нет. Не знаете, где она сейчас может быть?

– Должна быть на работе, на ферме. Это недалеко. Если хотите, можете туда проехать. Тут всего – то несколько минут езды. Правда, дорога не очень, но потихоньку проехать можно. А вы откуда будете, если не секрет?

– С телевидения. Спасибо, что подсказали.

Митяй, наконец – то осмелившийся поднять голову, увидел, как Кирилл обменялся с незнакомцами рукопожатиями, после чего все трое уселись в машину и укатили в сторону фермы, а он направился домой.

Теперь можно было вылезать из укрытия. Едва разогнув спину, Митяй сначала встал по собачьи на четвереньки, потом с трудом, придерживаясь за ветки, поднялся на ноги. Дрожа от холода, и проклиная Кирюху и в его лице весь белый свет за несостоявшуюся сделку, помочился на куст, забыв, что он только что спасал его от позора, и, охая от боли в потянутом позвоночнике, бочком – бочком поковылял в дом.

За деревней дорога стала взбираться на бугор, радующий взор изумрудной озимью, сливавшейся на горизонте с яркой синевой небосвода. Водитель приоткрыл окно и салон машины быстро заполнился пронзительной, бодрящей свежестью, заставлявшей лёгкие раскрываться как можно сильнее и дышать полной грудью, вытесняя изо всех уголков въевшиеся городские запахи. Впереди показалась ферма, от которой отъехал грузовик, груженный молочными флягами. Разминаясь с ними, водитель окинул любопытным взглядом иномарку, и, как бы невзначай попав колесом в лужу, обдал её фонтаном грязной воды.

Вслед за грузовиком из ворот вышла небольшая группа женщин разных возрастов и комплекций. Поравнявшись с ними, водитель притормозил, и, приглушив музыку, поздоровался. Женщины ответили дружным хором и, понимая, что от них чего – то хотят, остановились и стали с деревенской непосредственностью разглядывать пассажиров.

– Скажите пожалуйста, нет ли среди вас Стефании Буренковой? – спросил водитель, в речи которого прослушивался небольшой акцент.

– Стефанию мы не знаем, у нас такой нет. Буренкова есть, только зовут её Степанида, Стеша...

– Ну да, извиняюсь, Степанида, то есть Стеша. Как раз она нам и нужна...

– Так её здесь нет...

– А не подскажете, где её можно найти?

– Она задержалась на ферме.

– Спасибо.

– А зачем она вам нужна? – поинтересовалась Надя Осипова.

Однако сидевший рядом с водителем парень с модной стрижкой и небольшой фасонистой бородкой, похожий на голливудского актёра, велел ехать дальше. Водитель, не ответив, закрыл окно, и машина тронулась с места.

– Наверное, опять журналюги пожаловали... – сказала Надя, глядя вслед, – никакого от них спасу.

– Ну, Стешка даёт, прославилась на весь край, до сих пор газеты про неё пишут. Мне бы так... – позавидовала самая молодая из них, Таня Симакова.

– Больно нужна ей эта слава. Она уже не знает, куда от неё деваться. – отмахнулась Надя.

Она дружила со Стешей с самого детства, хорошо её знала и понимала, что нежелание подруги быть на виду, в роли героини очередной, наполовину вымышленной истории, было искренним, а не показным кокетством.

– Да куда там, «не знает куда деваться»... – не поверила Таня, – Вы только посмотрите, какие красавцы её ищут!

– Ну и что с того, что красавцы? Они часок – другой тут покрутятся и поминай как звали, а Митяй опять будет беситься да из Стеши душу выматывать.

– Ещё бы ему не беситься... Посмотрите на него и на этих ребят. Кто он и кто они?

– А толку – то? Эти мальчишки из желтых газетёнок наврут с три короба, денежки свои получают и забудут кто такая Стеша. Да они и сейчас – то её имени толком не знают. Думаешь, зря они на такой машине разъезжают?

– Всё равно я бы этого Митяя уже давно гнала в три шеи.

– Вот займёй своего, тогда и гони... – вздохнув, сказала самая старшая из них, тётя Рая Ващенко, полная женщина с грустным выражением на красивом лице.

Три года назад она схоронила своего мужа Василия Никитича и до сих не могла свыкнуться с этой потерей. Пил он не меньше Митяя. И она тоже во времена его загулов не раз пыталась убедить себя в том, что без него ей жилось бы намного лучше и спокойней, только расстаться с непутёвым мужем не могла, не хватало сил. Да и тот аргумент, что она такая не одна, полдеревни, если не больше, живут так же, а то и хуже, тоже решимости не прибавлял.

Однако, после скоропостижной смерти мужа – его сердце в конце концов не выдержало ежедневных возлияний, оказалось, что есть на свете ещё более страшная вещь, чем усталость и духовное опустошение, вызванное неравной борьбой с зелёным змием, крепко державшем её супруга в своих когтистых лапах – это одиночество.

Их единственный сын Ванечка давно вырос и устроился в городе со своей женой и двумя детками. Сноха Марина, после смерти свёкра и первой же жалобы свекрови на тоску, сразу объяснила открытым текстом, что их квартира слишком мала для того, чтобы принять ещё одного члена семьи. На расширение жилплощади нужны большие деньги, продажа родительского дома погоды не сделает, а брать ипотеку она не согласится даже под дулом пистолета.

Тётя Рая была искренне благодарна невестке за то, что она без лишних обиняков объяснила, что рассчитывать ей нужно только на себя. Да и сама она уезжать из деревни, в которой прошла вся её жизнь, никогда бы не решилась. Тем более после возмущившего всю деревню случая, когда дети сманили своих престарелых родителей в город, а как только закончились

деньги, вырученные за их проданную халupu, вернули обратно, подкинув какой – то дальней родне.

А одиночество повсюду следовало за нею по пятам, то и дело указывая на непорядки в хозяйстве. Ведь лишь теперь стало видно, что, хоть и крепко выпивал Василий Никитич, а всё держалось на нём. Нынче же рушится всё, на что ни глянь. И частокол вон как накренился, провиснув на подгнивших столбах, и калитка болтается на одной петле, и ступенька на крыльце того и гляди провалится. А она кругом одна. А уж длинными бессонными зимними ночами одиночество и вовсе сводило с ума, выглядывая из каждого тёмного угла.

Потому, не смотря на больные ноги, она до сих пор и работала на ферме, что длинная ночь значительно укорачивалась за счёт раннего подъёма и позднего возвращения домой. И, если бы бог дал возможность повернуть время вспять, она бы холила и лелеяла своего ненаглядного Васеньку со всей терпеливостью и преданностью простой русской бабы до самого последнего своего вздоха, да только не бывать этому уже никогда.

– Ну а какой с этого Митяя толк? – не сдавалась Таня.

– Толк... Во всём то вы, молодые, ищите толк да выгоду. А об том, как жить человеку, у которого нет никогошеньки на всём белом свете, не думаете. Может, поэтому Митяй для неё и есть тот самый Пантелей, с которым, как говорится, душе веселей.

Ворота корпуса, к которому подъехала чёрная машина, были открыты нараспашку. Внутри было пусто, не считая одной бурёнки, стоявшей в дальнем конце прохода, и сидевшей возле неё девушки в белой косынке и белом халате. Остальных коров после дойки выгнали на улицу, где они бродили по загону, жмурясь от яркого солнца и шалея от свободы и непривычно свежего воздуха.

В ближнем углу коровника было отгорожено небольшое, чисто выбеленное помещение, разделённое на две комнаты. БОльшая из них служила бытовкой, а меньшая кабинетом заведующей Варвары Васильевны. Она как раз сидела за столом у окна, и первая увидела незнакомый автомобиль.

– Кого это принесло? – спросила она сама себя, инстинктивно поправляя причёску и разглядывая вышедших из него людей, – на начальство не похоже, оно так не рядится. Коровами таких тоже вряд ли заинтересуешь. Тогда что им тут нужно?

Пассажиры, вышедшие из машины, не успели толком размяться и оглядеться, когда к ним подошла невысокая, полногрудая женщина лет сорока – срока пяти с вопросительным выражением на румянном круглом лице с тщательно подрисованными бровями, выщипанными в тоненькую ниточку.

– Здравствуйте! – опередил её Игорь, поняв, что эта женщина на данный момент является здесь главной, и улыбнулся самой обаятельной улыбкой, на которую был способен. – С кем имею честь говорить?

– Я заведующая фермой, – ответила Варвара Васильевна, стараясь сохранить начальственную строгость, – А вы кто?

– Мы из телевидения, канал «Дождь». – Игорь махнул перед её лицом удостоверением и, тут же убрав его в карман куртки, продолжил, – Хотим снять небольшой видеоролик о вашей ферме, о том, как вам удаётся выживать в наши нелёгкое время, о ваших успехах и трудностях. В районе нам сказали, что под руководством грамотной, деловой, и, что самое главное, очень даже симпатичной заведующей она занимает далеко не последнее место. Я надеюсь, вы и есть та самая очаровательная заведующая?

– Не знаю, очаровательная или нет, но заведующая здесь одна, и это пока ещё я. – ответила Варвара Васильевна, с трудом сдерживая довольную улыбку.

– На самом деле вы ещё более очаровательны, чем я вас себе представлял, и уже вижу вас в роли главной героини нашего фильма... – продолжал он, с удовольствием наблюдая, как под

его взглядом пламенеют её и без того румяные щёки и теряется воля и желание противостоять его обаянию. – Кстати, меня зовут Игорь. А вас?

– Варвара Васильевна, можно Варя...

– Очень приятно! А это мои коллеги. Этого симпатичного молодого человека зовут Герман, он наш видео оператор. А это Ирочка, костюмер и визажист. Прошу любить и жаловать.

Игорь тут же начал знакомить её с планом съёмки, обильно украшая свою речь техническими терминами и выражениями из современного сленга. Варвара Васильевна, растерявшись от одного слова «кино» и обещанной в нём главной ролью, смутилась, и, хотя мало что поняла, безоговорочно согласилась способствовать их нелёгкому делу.

Игорь покривил душой, умолчав о том, что приехали они исключительно ради Стеши Буренковой. Его чрезвычайно заинтересовала история девушки, проводшей ночь наедине со стаей волков. Как только он её услышал, у него зародилась идея снять по ней видеоролик, а если получится, то в дальнейшем замахнуться и на художественный фильм, о котором он давно мечтал. Он увлекался психологией и эзотерикой, и был уверен, что из всех людей волки выбрали Стешу неспроста. С самого начала он почему – то решил, что сыграть главную роль в этом фильме, то – есть сыграть саму себя, должна только она и никто другой, и был убеждён, что именно этот факт плюс мистическое содержание поможет обеспечить ему невероятный успех. Однако он был наслышан от знакомых журналистов о том, что девушка избегает общения, категорически не желая даже разговаривать о страшной зимней ночи, проведённой вместе с волчьей стаей. Поэтому и решил пойти на авантюру и снять пробный материал с участием Стеши, не посвящая кого – либо в свои далеко идущие планы, в том числе и её.

Он прекрасно понимал, что быстрого перевоплощения из доярки в актрису от деревенской девушки, получившей чуть ли не средневековое воспитание, ожидать не приходится. Однако именно этот факт и являлся той самой притягательной силой, которая поддерживала в нём интерес к этой истории. Естественная скромность, угловатость и простота поведения девушки помогли бы привлечь внимание спонсоров, пресыщенных нынешней вседозволенностью в отношениях, и придать достоверности его фильму. Именно для этого, чтобы не попасть впросак, и замышлялась эта авантюра. Главное, чтобы в после всего этого сама Стеша не отказалась принимать участие в деле, ставшем для него навязчивой идеей.

– А знаменитая Стеша Буренкова случайно не у вас работает? – спросил он как бы между прочим.

– Есть такая... – ответила заведующая, и добавила с едва уловимым оттенком ревности, – Правда, она у нас девушка с большими странностями.

– А в чём заключаются эти странности?

– Уж больно она дикая и необщительная. Да и чего от неё ожидать. Воспитывала её бабка, по – своему, по старинке. Туда не ходи, этого не делай, порядочная девушка так вести себя не должна и всё в таком духе. Одним словом, прошлый век. Нынешняя молодёжь совсем другая, а она этого признавать не хотела, вот и вырастила из неё дикарку, такую, что ни до бога, ни до людей...

Позади послышалось чьё – то ворчание и надрывный кашель. Игорь оглянулся и увидел стоявшего поотдаль старика с дымящейся сигаретой, зажатой между скрюченными пальцами. Его лицо скрывала низко надвинутая на лоб шапка, насупленные косматые брови и клочковатая седая борода. Весь его вид, изрядно поношенная, хотя и чистая одежда говорили о том, что он давно махнул на себя рукой.

– Какая колоритная фигура! – воскликнул Игорь. – Кто это?

– Это наш сторож, Евсеич, – ответила Варвара, обрадовавшись тому, что Игорь забыл о Стеше, незаслуженная слава которой, как она считала, давно уже всем надоела. – Он у нас тут, можно сказать, живёт после того, как овдовел. А мы его не гоним. Вреда от него нет никакого, наоборот, присматривает за хозяйством. А мы молочка для него не жалеем, да и девчата под-

кармливают кто чем может. Так вот и живёт потихоньку, а дома, да один как перст, наверняка давно б загниул.

– Надо обязательно его отснять. Герман, начинай работать. Ирочка, а ты пока подготовь Варвару Васильевну. Где тут у вас можно расположиться? Можете приступить к делу, а я сейчас подойду.

– Можно в моём кабинете. А ты, Евсеич, не уходи, сейчас тебя будут снимать... – громко, как обращаются к глухим или подневольным людям, скомандовала Варвара, и, не дожидаясь ответа, повела Ирину в свой кабинет.

– Чего меня снимать... – буркнул старик, отмахиваясь от Германа, направившего на него камеру, – тоже мне, нашли артиста. Вы вон лучше Стешу снимите, она достойна вашего кина больше, чем я и эта кукла.

– Стешу? А где она? – спросил Игорь.

– Дак вот же она, корову спасает.

– Спасает? Отчего?

– Да так, что корова, как и баба, опосля отёлу нуждается в помощи. И подоить её надо лишний раз, и массаж сделать или ещё чего. А кто это сделает лучше, чем Стеша? Я тебе скажу – никто. У неё к любой животине, как и к людям, есть и подход, и ласка, и доброе слово. За мной, чужим ей стариком, приглядывает, чтоб всегда был в порядке. И обстирает, и нагладит, и проследит, чтобы не забыл переодеться. Вот ты мне скажи, много ли ты знаешь молодых, которые добровольно согласились бы стирать портки чужого старика?

– Да нет, не очень... – ответил Игорь, и, немного подумав, добавил, – честно сказать, не знаю ни одной, разве что за большие деньги.

– Во-во, за деньги... За деньги теперь можно всё. Только у меня – то их нету, ни больших, ни малых. Наоборот, она же ещё и меня подкармливает. Одним словом, золото, а не девка. Теперь таких днём с огнём не сыщешь. Бабкино воспитание. А бабка у неё, похоже, была непростых кровей, и по уму, и по образованию, и по сложению своему, и по осанке, всем отличалась от деревенских.

– Значит, она была не местной?

– Нет, не местная, пришедшая... Явилась в такую же метельную ночь, какой недавно Стеша с волками повстречалась, небось слышали?

– Слыхали.

– Ту историю мало кто помнит, а я знаю хорошо. Ну так вот... Постучалась она в крайнюю избу, вся заснеженная, промёрзшая, с мальчонкой на руках. Тут же оба в горячке и слегли. А кто такие, откуда – неизвестно, никаких бумаг, кроме небольшой иконки, спрятанной на ейной груди, при них не было. Только в бреду мальчик, будущий Штешин отец, всё твердил про волков и сбежавших лошадей. Скорее всего, кто – то подвозил их на санях, а когда появились волки, кони испугались, рванули, женщина с мальчонкой выпали, а остальные ускакали. Раньше случалось и такое.

Всё ждали, что кто – то будет их искать, ан нет. Наверное тот, кто их вёз, решил, что волки их задрали, и побоялся признаться, что оставил женщину с ребёнком без помощи.

А она и вовсе памяти лишилась, ничего, мол, не помню, документы потеряла, и весь сказ... Когда поправилась, решила остаться в наших краях. Власти помогли ей выправить документы и разрешили поселиться в бесхозном домишке, безродные хозяева которого поумирали.

В нём она и прожила, можно сказать, в нищете, однако держала себя всегда с достоинством. Смолоду – то многие мужики пытались за ней ухлёстывать, да всё без толку... – глаза старика затуманились, показывая, что и ему когда – то были не чужды человеческие страсти, – Вот и внучку вырастила и воспитала так, как раньше воспитывали барышень из богатых семей. И по – французски знает, и по – немецки, и поёт, и всякому другому обхождению обучена. Когда эта история с волками случилась, журналисты к ней ехали один за другим, а она от них

скрывалась. Другая бы попользовалась энтим моментом чтобы прославиться, сколько их нынче таких, что только и умеет, что задом вертеть, а глядишь – уже звезда. Мы же все от заграницы пример берём, а получается, что и с ними не сравнялись и своё потеряли.

Старик сердито сплюнул, а его глаза, потеплевшие, пока речь шла о Стеше, опять посуровели и приобрели стальной оттенок.

– Интересная, очень интересная история... – задумчиво произнёс Игорь. – Ну – ка, пойдём поближе, посмотрим на эту удивительную девушку.

– Да – да, идите к ней, – сказал старик, указывая рукой в сторону Стеши, и глаза его опять засияли теплом, – только не пугайте её, сначала посмотрите, как она с коровой управляется. Я и то частенько люблюсь. Вот кого надо снимать, а не энтых ваших звёзд...

– Снимать, как доят коров? – удивился Герман, не понимая, что может быть интересного в таком обыденном занятии.

– А ты погляди, погляди, потом будешь рассуждать... – сказал старик, словно прочитав его мысли. – Дело ведь не в самой работе, а в том, как она делается. Хорошо б, если бы она для неё ещё и спела.

– Для кого «для неё»?

– Да для коровы, для кого ж ещё. Ты, наверное, слыхал, что теперь некоторые стали включать в коровниках музыку, мол, помогает повышать надои. А у Стеши голос такой, что даже коровы заслушиваются. Как она запоёт, так все уши насторожат и стоят не шевелятся. Жаль только поёт она всё реже и реже...

– А что так? – заинтересовался Герман.

– Да жизнь у неё такая, видать не до песен... – старик сморгнул слезу, и, понимая, что наговорил лишнего, махнул рукой и пошёл к выходу.

– Да, непрост этот забытый богом старик... – сказал Герман, шагая вслед за Игорем.

– Непрост, – согласился Игорь, – также, как и эта загадочная, повторяющаяся волчья история бабки и внучки.

Стеша, сидевшая возле коровьего брюха спиной ко входу, появления телевизионщиков не замечала. Первотёлка Красотка вела себя беспокойно, поэтому её отделили от стада и поручили заботам Стеши. Она давно уже никуда не спешила, поэтому беспрекословно задерживалась на ферме каждый раз, когда её об этом просили.

Красотка не желала никого к себе подпускать, переминалась с ноги на ногу, при каждом прикосновении вздрагивала и отступала в сторону.

– Стой, милая, ну постой ещё немного... – приговаривала Стеша ласковым, мелодичным голосом, то оглаживая крутые коровьи бока, то массируя набухшее вымя, – Потерпи, моя хорошая, тебе же будет лучше.

Игорь подошел ближе, стараясь держаться так, чтобы Стеша его не заметила, пригляделся к наполовину отвёрнутому профилю девушки, освещенному солнцем, попадавшим на неё из узкого продолговатого окна, и кивнул, подтверждая, что в особом гриме её лицо не нуждается и можно начинать съёмку.

Герман включил камеру на крупный план и начал снимать, стараясь не пропустить ни единого движения Стешиных тонких сильных рук, священнодействующих вокруг коровьего вымени, ни одного жеста, ни смены выражения на её лице. И то, с каким состраданием она прикусывала губу, когда Красотка вздрагивала от боли, и дрожащую трогательную прядку светлых волос, выбившуюся из – под косынки, и капельки пота, выступившие на лбу девушки.

Красотка постепенно прониклась доверием к её рукам, успокоилась и даже придвинулась ближе и застыла, словно прислушиваясь к голосу девушки, что – то напевающей в такт своим плавным движениям. Закончив массаж, Стеша замолчала, опустила руки к полу, закрыла глаза и выгнулась, снимая напряжение с усталой спины.

Отдохнув несколько секунд, сполоснула руки в стоявшем рядом ведре, вытерла чистым полотенцем, висевшем на плече, и, устроив белый металлический подойник между колен, осторожно потянула за коровьи соски. Звон белых упругих струек, ударявших о стенки ведра, был сначала нетороплив и протяжен. Так музыкант настраивает и пробует перед выступлением звучание своего инструмента. Затем они зазвенели быстрее и громче, а Стешины руки замелькали, словно исполняя на необычной арфе чудесную мелодию, менявшую свой тон по мере наполнения ведра и постепенно приглушавшуюся растущей белой пенистой шапкой.

Наблюдая за действиями Стеши, читая выражение эмоций на её тонком лице, которого он ещё толком и не разглядел, Герман восхищался тем, что из такого, казалось бы, простого и крайне неромантического действа, как дойка коровы, может сложиться законченное и даже озвученное произведение.

Стеша уже заканчивала дойку, когда заметила боковым зрением движение и какой – то посторонний предмет. Повернув голову, она увидела рядом с собой видеокамеру, испуганно вздрогнула и вскочила на ноги, едва не опрокинув ведро с молоком.

– Что вы делаете? – воскликнула она, глядя на снимавшего её парня.

– Простите! – воскликнул Герман, не опуская камеру. – простите ради бога, я не хотел вас напугивать...

– Кто вам разрешил? Перестаньте сейчас же... – возмутилась Стеша, прикрывая лицо согнутым локтем.

Парень смотрел на неё добрыми, улыбчивыми глазами и говорил, говорил...

– Извините ради бога за то, что не испрошено разрешение, но вы были прекрасны, как мадонна...

– Какая ещё мадонна? Что вы такое говорите?

... Он нарочно коверкает язык, пронеслось в её голове, чтобы поиздеваться над нею, одетой в поношенное, хоть и прикрытое белым халатом платье, над её по бабьи повязанной косынкой, и тем, что от неё пахнет молоком и коровьим навозом...

– Я смотрел за вами, когда вы доили корову. Никогда не думал, что это так красиво...

– Красиво? Что красиво? – не понимала Стеша.

... О чём он говорит. В чём он увидел красоту и вообще, откуда он взялся? Разве место ему, такому чистому, свежему и нарядному, здесь, в этом коровнике? Ему, привыкшему вращаться среди звёзд, красивых, изящных, пахнущих дорогим парфюмом...

... Боже, какое у него мужественное лицо, похожее на лицо древнего викинга... И этот ласковый взгляд, проникающий прямо в сердце... Зачем?...

– Ваши руки, ваш голос...

Умом она понимала, что должна бежать без оглядки и навсегда забыть эти тёмные, волнистые волосы, достающие до плеч, строго очерченные, сросшиеся на переносице и приподнятые к вискам брови, и удивительные серые глаза, опущенные густыми ресницами, но не было никаких сил даже отвести от них взгляд...

– Я видеооператор, меня зовут Герман. – сказал он, глядя на неё с доброжелательной, располагающей улыбкой, – А как зовут Вас?

– Стеша, Степанида... – ответила она, теребя руками поясok халата.

– Весьма необычное, редкое имя. – Герман говорил тихо и спокойно, чтобы дать ей прийти в себя, – мою маму зовут Стефания. Немного похоже, не так ли?

– Стефаания... – повторила Стеша протяжно, словно прислушиваясь к звучанию имени, и, помолчав, сказала, – очень, очень красиво... Степанида намного грубее.

– Вы напоминаете мне её. Она так же красива, как и вы. Мне её не хватает, очень – очень.

– Мои родители умерли. – доверительно, как давнему знакомому, сообщила Стеша, почувствовав себя гораздо уверенней после его упоминания о своей матушке. – Мне их тоже не хватает. Но я их хорошо помню, хотя в то время была маленькой девочкой.

– У нас есть что – то общее. Как будто я знал вас много лет. У вас бывает так, что вы видите человека впервые, а вам кажется, что вы знали его очень давно?

Стеше очень хотела сказать, что именно сейчас она чувствует то, о чём он говорит, но, не решившись, тихо прошептала:

– Не знаю...

– Так бывает, когда встречаются родственные души. Они не должны терять связь. Я уверен, мы тоже должны встретиться ещё очень много раз...

– Не знаю... – повторила Стеша.

– Степанида! – окликнула Варвара, выглядывая из подсобки, – Где ты там копаешься? Неси сюда молоко и ставь варить молозиво. Будем угощать гостей.

Стеша подхватила ведро и заторопилась в бытовку. Герман широко шагал рядом с нею. Они уже почти дошли до двери, когда, словно гром среди ясного неба, раздался сердитый голос Митяя, возникшего в распахнутых воротах.

– Стешка! Вот скажи мне, чё ты тут делаешь? Все бабы давно уже по домам, а ты почему – то не торопишься... Совсем от рук отбилась, гулёна, твою мать...

– Ты чего тут шумишь? – спросил Евсеич, загораживая ему дорогу, – Ну задержалась молодуха, так не по своей же воле, а потому, что ей опять дали первотёлка.

– Да уж вижу, какой у неё первотёлок. Только он почему – то больше смахивает на бычка... – гоготнул Митяй, вскипая от злости при виде Германа, идущего рядом со Стешей.

Он не смог бы объяснить даже самому себе, что из увиденного его возмутило больше – то, что рядом с его женой идёт мужчина, от которого ему пришлось скрываться, сидя в униженной позе под кустом сирени, или выражение Стешиного лица. Она не болтала, не улыбалась, как делала бы на её месте любая другая девушка, желающая привлечь внимание молодого человека. Это было бы нормально... Но она шла выпрямив спину, которая у неё в последнее время почему – то начала сутулиться, расправив плечи и чуть склонив на бок высоко поднятую голову с задумчивым, просветлённым взглядом, как будто увидела впереди что – то необычное и долгожданное.

Именно эта отрешенность удивила Митяя и даже встревожила неприятным, хотя и трудно объяснимым предчувствием.

– Причём тут это? – вступился за свою любимицу Евсеич, – Она делает свою работу, а человек свою, а ты скорей давай всех оскорблять. Некультурный ты человек, Митяй.

– Знаю я эту работу... Она и без того уже загордилась, прямо не подступись... Звезда, твою мать...

– Говорю тебе, она тут абсолютно не причём. Люди приехали снимать кино про ферму. И меня снимали, и Варвару как раз сейчас красят, чтобы снимать. Хочешь, и тебя снимут?

– Ещё чего... Больше мне делать нечего, кроме как сниматься в вашем кино. – ответил Митяй поводя плечами и оглядываясь по сторонам, словно вокруг стояла толпа и в один голос умоляла его бросить свои неотложные дела и сняться в главной роли.

Значит, они приехали снимать ферму... а он то думал, что они поехали искать Стешку, чтобы договориться о покупке их имения и примчался сюда, как последний дурак, боясь, как бы она не продешевила, а то и вовсе не отказалась от выгодной сделки.

Торопясь сюда, Митяй рисовал в уме шикарный дом – дворец, который построит на вырученные от продажи деньги. Дворец, обещанный им Стеше в тот самый день, когда он предложил ей пожениться. Сделал он это не особо раздумывая, после первых поцелуев, удивлённый её испугом и неопытностью, в надежде, что она станет уступчивей к его ласкам. Он до сих пор помнит восторг, вызванный его словами, нежность и восхищение, с которыми она смотрела на него, любимого, готового превратить её жизнь в сказку...

До сих пор он, пребывая после выпитого в благодушном настроении, частенько заводит эти разговоры. Но теперь в ответ она лишь сердито машет рукой и убегает, вспомнив о каком

– нибудь срочном деле. Вот и раскрывай перед такой свою тонкую душу, строй жизненные планы, а она... Ничего она не понимает, не ценит.

– Стешка! Ну к давай домой! – крикнул он, едва справляясь с захлестнувшей обидой, – Уже скоро обед, а у тебя до сих пор печь не топлена.

Как назло, его голос, который должен был выражать повелительный, хозяйский тон, сорвался и дал визгливого петуха. Митяй закашлялся и разъярился ещё сильнее. Его глаза побелели, желваки на скулах заходили, руки сжались в кулаки. Он набросился бы на Стешу прямо здесь и сейчас, если бы не заметил, что удивление во взгляде незнакомца сменилось откровенным презрением.

Герман начал медленно снимать с плеча камеру, намереваясь отдать её Стеше и поставить зарвавшегося мужика на место. Но, взглянув на её окаменевшее лицо, спросил:

– Кто этот человек?

– Муж... – прошептала она, опустив глаза.

Тот перевёл недоумённый взгляд на Митяя, потом обратно на Стешу, не понимая, что может быть общего у этой девушки с её нежной, утончённой натурой и этого, судя по внешности и поведению, рано спившегося, и поэтому быстро деградировавшего мужчины.

Стеша почти физически ощутила, как стремительно опускается с небес на землю. Она ссутулилась, словно из неё неожиданно и резко вырвали стержень, помогавший держать спину прямо, а голову высоко, заставив почувствовать себя стоящей на обочине жизни, стремительно и равнодушно пронесившейся мимо. Она молча вручила ведро Евсеичу и выбежала из корпуса без оглядки.

Глава3

– «Родственные души не должны терять связь»... – шептала Стеша, расчёсывая волосы и разглядывая своё отражение в потускневшем зеркале, висевшем в простенке между окнами. – Это просто слова, ничего не значащие и ни к чему не обязывающие, сказанные и тут же забытые... И ты забудь. ЗА-БУ-ДЬ... Ничего не было и быть не могло, это просто сон. Надо проснуться и понять, что всё осталось по – прежнему, и так и будет до конца дней.

Короткий рукав ночной сорочки сполз с поднятой руки, обнажив предплечье с зеленоватом – жёлтым синяком недельной давности. Увидев его, Стеша уронила руки вдоль туловища и оглядела комнату. Умом она понимала, что права, но сердцем чувствовала – нет, по – прежнему уже не будет никогда. Она точно знала, что пришло время изменить свою жизнь, но не знала, что нужно делать, с чего начать, и почему она до сих пор находится здесь, в этом убогом домишке, в полузаброшенной деревне, где её не держит ничего, кроме бабушкиной могилки. Хотя, если бы кто – то спросил, как она себе представляет то место, где должна находиться, и что могла бы там делать, она не нашла бы на этот вопрос ни одного вразумительного ответа. И не было на белом свете ни одного человека, который помог бы ей разобраться в самой себе.

Стеша снова стала бездумно водить расчёской по волосам. Тень на противоположной стене двигалась вместе с нею, чуть наклонялась и взмахивала рукой, словно крестилась на висевшую в углу иконку.

Длинные, чисто вымытые волосы электризовались, потрескивая, поднимались, словно живые, вслед за скользившим по ним деревянным гребнем, и медленно опадали на белую рубашку.

За стеной зашумел резкий порыв ветра. Стеша посмотрела на окно и уловила всполох, осветивший двор. Начиналась гроза. Гром ударил как всегда неожиданно, заставив вздрогнуть, громко и раскатисто, словно совсем рядом взорвалось и прокатилось что – то огромное и тяжёлое.

Стеша с детства боялась грозы. Обычно при первом же ударе грома она бежала со всех ног прятаться под крышу. Сегодня же, неожиданно для самой себя, схватила шаль, и на ходу закутывая плечи, поспешила во двор.

Захлопнув дверь, она отбежала подальше от деревьев, повернулась лицом на запад, откуда шла гроза, и стала ждать, испытывая безрассудное желание встретиться со стихией лицом к лицу, смешаться и раствориться в ней без остатка.

Шквалистый ветер гнул и раскачивал ветви деревьев, кружил в воздухе сорванные листья, мусор и дорожную пыль, трепал за волосы и норовил сорвать с плеч шаль. Молнии сверкали одна за другой, раскаты грома гремели почти не утихая, а она смеялась, радуясь наконец – то обрётённой свободе таившегося в ней мятежного духа.

– Нет, это уже сверх всякой наглости!!! – кричала Варвара Васильевна, стоя в окружении своих подчинённых, – Вчера не вышла, пришлось доить её группу мне самой, сегодня опять не явилась. Интересно, что она о себе возомнила? Надежда, хоть бы ты зашла узнать, где Стешка, что там у неё опять стряслось?

– Я вчера три раза ходила, – ответила Надя, – дома её нет.

– А Митяй? Он что, не в курсе, где находится его жена?

– Митяй который день гуляет у Матюхи. – подсказала тётя Рая Ващенко, – Они закончили делать сарайчик у Антиповны. Так она хвалилась, что отвалила им целый бутыль самогона. Ясное дело, пока они его весь до доньшка не выхлещут, домой он не явится.

– Что для них бутыль? Они ведро вылакают и не заметят...

– Не скажи... У Антиповны самогон чистый спирт, меньше семидесяти градусов она не гонит. Таким и нутро спалить не долго. Вот они и пьют, пока не свалятся, затем чуток проспятся и опять по новой начинают. Избу провоняли, прости господи, так, что не можно зайти. Матюхина матушка в гробу перевернулась бы, кабы знала, в какой хлев сынок превратил её домишко.

– А ты – то откуда знаешь, пила с ними, что ли?

– Да мне ли не знать... своего не раз оттуда выгоняла, царствие ему небесное.

– Ну а куда ж она могла подеваться? – со злостью спросила Варвара, – И вечно у неё всё не как у людей, то она с Митяем воюет, то с волками по оврагам бродит. Просто монстр какой – то, а не баба.

– Волки тут не причём, их давно уже не слышать, – вмешался Евсеич, не терпевший, когда его любимицу незаслуженно обвиняли в безответственности. – Тут что – то не то. Стеша человек дисциплинированный, просто так прогуливать не будет. А раз её нет, значит, что – то произошло. Надо Фомичу заявлять.

– Для этого у неё есть муж, пускай он и заявляет, – отрезала Варвара, – а нам надо работать. Сегодня делите её коров, как хотите, я их доить больше не намерена. Они мне молоко не припускают, вчера не надоила даже половины. Так же можно скотину угробить. Если она и завтра не явится, буду искать другую доярку. Желающих, слава богу, хоть отбавляй. Всё.

Варвара крутнулась на каблуках, и, не дожидаясь возражений, высоко подняла голову и поспешила в свой кабинет. Евсеич в сердцах сплюнул под ноги размокшую сигарету, растоптал её сапогом и полез в карман за другой. Женщины сбились в кружок и стали распределять между собой Стешиных осиротевших коров.

– Ох и Варвара, уже позабыла, сколько раз Стеша её выручала, почти всех тяжёлых первотёлок после своей группы раздаивала. И всё ведь за просто так, хоть бы раз копеечку какую ей за это накинула. – сердито проворчала Надя, переживавшая за подругу.

– Варвара больше о хозяйском кармане печётся, чем о нашем. – вздохнула тётя Рая, – боится, как бы её с должности не подвинули.

– Тут после своих коров пальцев не чуешь, а после Стешиных и вовсе без рук останешься. Они ж кроме неё молоко не отдают никому.

– А что делать? Петь им песни, как она, что ли?

– Да ты если запоешь, то и остальные молоко придержат, не только Стешкины. Когда уже нам поставят доильный аппарат? Уже столько лет обещают, и до сих пор ни тпру, ни ну.

– Раньше мы все на пенсию поуходим, чем они на аппарат разорятся. Живём, как в прошлом веке, всё руками да вилами...

– Хозяева экономят на всём. Привыкли на бабах выезжать, так хоть бы платили как следует, куркули несчастные!...

– Ага, заплатят, держи карман шире. Ладно, бабоньки, хватит митинговать, айда работать. Думала, приду домой пораньше да хоть ведра два – три картошки в землю вброшу. Ростки скоро из – под кровати полезут, а тут опять не слава богу.

Местный участковый Яков Фомич корпел над отчётом, когда старый чёрный телефон, стоявший на тумбочке, задребезжал резко и требовательно, будто напоминая, что главным в этом кабинете является он, а не всякие там мобильники, которых толком даже из кулака не видно.

– Слушаю... – ответил Фомич, зажимая массивную эбонитовую трубку между щекой и плечом, и продолжая писать.

– Алё... Алё... – отозвалось в трубке.

– Да слышу я. Кто это?

– Это я, Евсеич.

– Не понял...

– Да Евсеич я, который с фермы.

– Ага, с фермы... Теперь узнал. Здорово, Евсеич.

– Здорово, Яков Фомич. Похоже, у нас опять беда.

– Что там у вас стряслось?

– Да Буренкова Стеша снова пропала.

– То есть как пропала, куда?

– Так никто не знает. Второй день на работу не является.

– Почему это сразу «пропала»? Может приболела, потому и не является. Сейчас вон грипп какой ходит.

– Подруга к ней заходила, и не раз. Говорит, дома нет никого...

– А, может, с Митяем не поладила, да и сбежала куда подальше, к какой –нибудь другой подруге? Митяй ведь поганец ещё тот. А женщины, они какие, терпят – терпят, а потом так взбрыкнут, что и нарочно не придумаешь.

– Они – то такие, – согласился Евсеич, – только вот Стеша не такая. Она изо всех самая что ни на есть ответственная, и так просто коровушек своих не бросила б. Они ж молоко кому попало не отдают. Пропадает скотина. В общем, ты меня услышал. Я побежал, а то Надежда идёт, сейчас ор поднимет.

– Да – да, беги, я всё понял... – сказал Фомич, и, кладя трубку, задумчиво добавил: – хотя, честно сказать, не понял абсолютно ничего.

Стеша выросла на его глазах. Он хорошо помнил её родителей, после гибели которых регулярно помогал местной общественности выбивать для осиротевшей девочки мизерные пособия.

Его жена, Клавдия Семёновна, работавшая в сельской библиотеке, всегда отзывалась о Стеше и о её бабушке с неизменным теплом, удивляясь тому, как на редкость хорошо она воспитывает внучку. А после каждого выступления местной самодеятельности восхищалась

Стешиним голосом и сожалела о том, что, из – за бедности и болезни бабушки, такая умная и талантливая девочка не сможет получить достойного образования.

О том, что Митяй который день гульбанит у своего лучшего друга Михая, Фомич прекрасно знал. Жена бросила Михая года три – четыре назад, устав от безуспешных попыток отлучить его от спиртного. Мать умерла ещё раньше. Оставшись один, без женского присмотра и контроля, Михай пустился во все тяжкие, превратив свой дом в круглосуточный вертеп, где были рады любому, кто приносил с собой спиртное.

А вот Стеша, похоже, не решится оставить своего непутёвого Митяя до конца своих дней. Бабушка явно ошибалась, внушая ей, что муж должен быть одним единственным на всю жизнь. Несмотря на мужскую солидарность, Фомич в этом её никак не поддерживал. Конечно, если мужик раз – другой и споткнётся, без этого не бывает ни в одной семье, а в остальном ведёт себя нормально, то, безусловно, так оно и должно быть. Но это не про Митяя, потому как ничего хорошего, по мнению Фомича, из него уже не получится.

Вздохнув, он собрал незаконченный отчёт в папку, положил в сейф и пошел к своим стареньким жигулям. Вскоре участковый стоял, опершись на покосившийся частокол и оглядывал двор Буренковых. Древний, вросший в землю, домишко, кое как сбитый из досок сарайчик с пристроенным сбоку курятником, огороженным сеткой, нужник в глубине двора, вот и всё хозяйство. Стволы яблонь, растущих перед домом, аккуратно подбелены. Вдоль дорожки разливается алым цветом, радующим глаз, пышный бордюр из тюльпанов. Но, судя по наваянному ветром мусору на дорожке, после недавней бури никто здесь не убирался. Позади послышались шаги. Он оглянулся, и, увидев Кирилла, обрадовался.

– О, Кирюха, хорошо, что ты подошёл. Будешь понятым.

– Каким понятым? Уж не со Стешей ли чего стряслось? – заволновался Кирилл.

– Надеюсь, ничего худого с ней не случилось, – ответил Фомич, – мне недавно с фермы звонили, будто она второй день на работу не является, и дома её нет. Ты не в курсе, что тут произошло? Может, что –нибудь слышал или видел?

– Нет, не слышал. Вроде бы всё было тихо. Правда, Митяя не видать уже дня два – три, а Стешу видел у колодца, кажись, позавчера... Да – да, точно позавчера, незадолго перед бурей.

– Ну, пойдём во двор, оглядимся, – сказал Фомич, снимая проволоочное кольцо, прижимавшее калитку к столбику, на котором держалась ограда.

Подойдя к двери, мужчины остановились. Судя по перевёрнутому навесному замку простейшей системы, накинута на дверные петли, дома никого не было. Ключи от таких раритетов за давностью лет частенько бывают утеряны. Но замки зачастую ещё долго продолжают служить своим хозяевам, закрываясь одним щелчком дужки, прижатой к гнезду, а открываются обычным гвоздём, а то и вовсе не запираются и висят лишь для видимости. Не зря же говорят в народе, что запоры придуманы не для того, чтобы в дом не забрались воры, поскольку брать у деревенских нечего, а для того, чтобы было понятно, что хозяева отсутствуют.

Так было и в данном случае. Фомич щёлкнул незапертым замком и пошел дальше, мимо цветущего сиреневого куста и сарайчика, собираясь взглянуть на огород. С десятков кур, копошившихся за сеткой, увидели людей и бросились к ним толпой, сбивая друг друга с ног.

– Давно не кормлены... – сказал Кирюха, открывая дверь сарая.

Неподалёку от двери стоял небольшой пластиковый бочонок, прикрытый крышкой от старой кастрюли. На ней сидела, свесив вниз длинный хвост, толстая серая крыса. Увидев человека, она повела носом и вопросительно посмотрела ему в глаза, шевеля усами, словно недоумевая, что тут понадобилось этому незнакомцу. Лишь когда Кирилл швырнул в неё подбранной у порога палкой, она тяжело шлёпнулась на утопанный земляной пол и шмыгнула за стопку пустых деревянных ящиков из – под картошки, стоявшую в углу сарая.

Кирилл приподнял крышку. Как он и ожидал, бочонок был на треть заполнен зерном. На полу валялась помятая алюминиевая чашка. Кирилл набрал в неё корма, положил крышку на место и захлопнул дверь.

– В огороде тоже никого, – сказал Фомич, глядя, как Кирилл сыплет зерно в кормушку, – заглянем, что ли, в дом, раз уж мы тут?

– Так там же никого нет, дверь – то заперта... – удивился Кирилл.

– Да мало ли... Лучше проверить, а то чего в жизни не бывает.

В глазах Кирилла снова вспыхнула тревога. И что за судьба такая у этой Стеши, подумал Фомич, растаптывая ногой окуроч. всю жизнь прожил рядом такой замечательный парень, который сохнет по ней, можно сказать, с самой юности, а её угораздило выйти за этого, прости господи, Митяя.

Фомич открыл пронзительно скрипнувшую дверь и перешагнул через порог. Кирилл последовал следом за ним. В полумраке сеней виднелась ведущая на чердак лестница, на которой была раскинута тёплая шаль. Фомич отодвинул её в сторону, и, поднявшись на несколько ступеней, заглянул на чердак. Там было пусто, не считая развешанных под крышей веников из полыни и ещё каких – то трав, легонько раскачиваемых сквозняком в тусклом свете, пробивавшемся сквозь крошечное слуховое оконце.

В доме была единственная комната, разделённая печью на две половины. Первая, служившая кухней, была поменьше. В ней стояла узкая старомодная железная кровать с высокими синими спинками, аккуратно застеленная зелёным пикейным покрывалом, с двумя пышно взбитыми подушками. Напротив, перед окном с горшком цветущей розовой пеларгонии на подоконнике, самодельный кухонный стол, сколоченный из местами вздувшихся листов фанеры, и пара табуреток, окрашенных в тон кровати. У двери такого же цвета лавочка, на которой стояли два ведра, одно пустое, в другом воды чуть меньше половины. Сбоку двери синяя же примитивная вешалка, сооружённая из вбитых в доску гвоздей с висевшими на них немудрёными вещами. Полы застелены чистыми домоткаными половиками. Во всём чувствовалось стремление хозяйки к порядку и желанию создать хотя бы какой – то незатейливый уют.

Во второй половине дома стояла никелированная кровать – полуторка, со свежей, разобранной ко сну постелью. Рядом шкаф, изрядно потёртый диван и кресло в углу. На круглом столе, накрытом тщательно отутюженной льняной скатертью, завядший букет сирени в литровой стеклянной банке, вокруг три венских стула со стершейся полировкой, небольшой телевизор на тумбочке да потускневшее зеркало, висевшее в межоконном проёме, вот и вся обстановка.

Фомич заглянул в шкаф. На вешалках висело несколько платьев, пара мужских рубашек и военная форма, в которой Митяй вернулся со службы. На полках лежало аккуратно сложенное постельное бельё.

– Вроде вещи на месте, но все или чего – то не хватает, может определить только её муж, да и то вряд ли.

– Я тоже сильно сомневаюсь, чтобы он хоть немного интересовался её гардеробом. – хмыкнул Кирилл.

– Похоже, Стеша ушла из дома позавчера вечером. – сказал Фомич, плотно прижимая ладони к печному боку.

– Откуда вы знаете? – удивился Кирюха.

– Постель расстелена ко сну, но не смята. Покрывало аккуратно сложено, значит, в доме всё было спокойно. Похоже, Стеша собиралась лечь спать, но что – то ей помешало. Опять же печь не топлена, как минимум, два дня, совсем остыла, да и воздух в доме сырой. Все люди ещё понемногу протапливают дома, ночи – то ещё прохладные, да и дождь был совсем недавно.

– Куда же она могла деться? – спросил Кирилл.

– Может, загостилась у какой –нибудь подружки?

– Вряд ли. Подруг у неё мало, самая близкая из них Надя и ни к кому, кроме неё, она пойти не могла. Родни вообще нет, так что идти ей некуда. Да и работа... Не могла она всё бросить, никому ничего не сказав, никого не предупредив... Не такой она человек, понимаете? Не – та -кой!!! – воскликнул Кирилл, тревожась всё сильнее.

– Всё верно, – развёл руками Фомич, – но куда – то же она делась...

– Не знаю...

– Ладно, пойдём.

– Пойдём... – вздохнул Кирилл, но, уже поворачиваясь к выходу, вдруг резко остановился и, показывая рукой на божницу, сказал: – Иконы нет... Здесь висела иконка, старинная, ещё бабушки Матвеевны.

– Ты уверен?

– Точно... Стеша берегла её, как зеницу ока. Однажды я слышал, как Митяй возмущался из – за того, что какие – то приезжие хотели её купить, и цену давали неплохую, а она не захотела и слушать.

– А когда это было?

– Года два назад, точно не помню.

– Интересно...

Фомич тщательно осмотрел угол, но под белым вышитым полотенцем, развешанным на стене в форме домика, никаких следов, кроме тёмного пятна на месте висевшей ранее иконы, не было.

– Да, надо искать Митяя, – сказал он, пожимая плечами, – без него мы всё равно не разберёмся. Пойдём.

Отшумевшая гроза ушла дальше на восток. Стеша стояла у окна, вытирая мокрые волосы и смотрела на разъяснившееся, словно умытое небо. Светила огромная, полная и необычайно красная луна. Было светло, как днём. Мириады звёзд призывно мерцали, словно приглашая в новую жизнь. Неожиданно для самой себя, словно поддавшись их сказочному очарованию, Стеша отбросила полотенце в сторону, и, перекрестившись, стала торопливо собирать нехитрые пожитки.

– Прости меня, бабулечка, – прошептала она, снимая со стены иконку.

Поцеловав её, бережно уложила в пакет между наспех сложенными вещами. Затем ей пришло в голову, что острые углы иконки прорвут пластик и единственная бесценная память о родном человеке может потеряться. Стеша вынула её из пакета и, завернув вместе с документами в тонкое полотенце, спрятала за пазуху. Поёживаясь от жесткого прикосновения, оглядела в последний раз комнату, в которой провела всю свою жизнь, словно прощаясь с ней навсегда, и повторила:

– Прости, бабулечка моя родная, я должна хотя бы попытаться. Так жить я больше не могу.

Идя по улице, Стеша боялась встретить случайного прохожего. В деревне знали друг друга все, от мала до велика. Она ещё толком не решила, куда и зачем идёт, но понимала, что одного единственного вопроса, куда это она направляется в такой поздний час, может оказаться достаточно для того, чтобы её решимость сошла на нет, позволив повернуть обратно.

На пути ей не встретилось ни одного человека, но редкие фонари она старательно обходила, прячась в тени заборов или деревьев. Деревня уже спала. Огонь светился только в трёх домах. В двух из них, она знала, были маленькие дети. А в окнах третьего, где жила семья Алексея Васильева, постоянного собутыльника Митяя, мелькали тревожные тени. Стеша остановилась напротив дома, чтобы передохнуть и понять, не случилось ли в их семье какой беды. Однако, услышав пьяные выкрики хозяина и плачь его жены Анны, живо напоминавшие кар-

тины из её собственной жизни, тяжело вздохнула и заторопилась дальше, оставив последние сомнения в верности принятого ею решения.

Просёлок вел сначала полями, серебрившимися росой, затем через редкий березняк, тонущий в тумане, и, наконец, пересёкся с трассой. Выйдя на широкую асфальтированную дорогу, Стеша порадовалась тому, что первая часть пути благополучно закончилась. Она повернула направо и широко зашагала по ровному, гладкому покрытию.

Размокшие туфли чавкали и хлопали в такт каждому шагу, угрожая в любую минуту развалиться. Являться в город босиком было бы странно, поэтому Стеша сняла их, положила в пакет с вещами и пошла босиком, убеждая себя в том, что она, такая молодая и сильная, сможет пройти через всё и добиться очень многого.

Дорога спустилась в низину, и пошла сквозь густой еловый лес. Лунный свет растворился в набежавших тучах, тёмная зелень елей и серый асфальт смешались в один густой чёрный колер. На ум пришли строки из любимого стихотворения:

– Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка, Не проси об этом счастье, отравляющем миры, Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка, Что такое тёмный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял её однажды в повелительные руки, У того исчез навеки безмятежный свет очей. Духи ада любят слушать эти царственные звуки, Бродят бешеные волки по дороге скрипачей...

В райцентр Стеша всегда ездила в дневное время, и Теперь же темнота и нехоти пришедшие на ум строки навевали мистическое чувство страха. Стеша ступила на белую разделительную полосу и прибавила шаг. Собственное шумное дыхание и стук сердца чудились ей шелестом крыльев какой – то сущности, следовавшей за её спиной. Она побежала, стараясь поскорее выбраться из оврага.

Дорогу за её спиной осветили фары легкового автомобиля. Стеша немного пришла в себя и свернула на обочину. Машина притормозила и призывно посигналила. Стеша, не оглядываясь, отрицательно помахала рукой и продолжила идти вперёд. Машина медленно и настойчиво ехала позади. Садиться ночью в машину к незнакомому человеку было рискованно, однако сама мысль о том, что машина сейчас уедет, и она снова останется в этой глуши одна, приводила в ужас. Подумав о том, что вероятность встречи здесь, в такое время с односельчанами равна нулю, а незнакомцу, пожелавшему её подвезти, абсолютно всё равно, кто она, откуда и куда идёт, Стеша обулась и решительно шагнула к гостеприимно распахнутой двери. Заглянув в салон машины, чтобы поговорить с водителем, Стеша ощутила пахнувший в лицо резкий запах перегара и увидела внутри весёлую компанию из четверых мужчин.

– Привет, красотка! – воскликнул сидевший у распахнувшейся двери, – Куда гуляешь? Кто тебя высадил в такой глухомани?

Стеша отшатнулась назад, но мужчина успел поймать её за руку.

– Наверное, плохо отработала... – загоготали сзади, перебивая друг друга.

– Садись, не стесняйся, сейчас мы разберёмся в качестве оказываемых тобою услуг....

– Да – да, – поддержал первый, – хорошо обслужишь – хорошо заплатим, а если плохо, тогда не взыщи. Как говорится, каждому по его способностям...

– И каждому по его потребностям... – поддержали остальные, захлёбываясь смехом.

– Отпустите меня, пожалуйста... – попросила она, пытаясь вырвать руку, зажатую словно в железные клещи.

– Да ладно тебе брыкаться, – хохотнул он, притягивая её к себе, – давай, садись по – хорошему.

– Посмотрите на неё, ещё ломается... Тащи уже её, Лёха.

– Помогите, людииии! – закричала Стеша, упираясь всем своим весом.

– Ой, не могу... – заржал кто – то сзади, – «Спасите – помогите»... до чего ж вся такая наивная...

Стеша упала на колени, и, изловчившись, изо всех сил укусила державшую её руку.

– Убью, сука придорожная... – зарычал Лёха, и, не ослабевая захвата, ударил свободной рукой по голове. Стеша упала, а он выскочил из машины и наклонился, пытаясь схватить её за косу.

– Мамаааа... – закричала Стеша изо всех сил.

В эту минуту откуда – то из кустов метнулась длинная серая тень и, прыгнув на Лёхину спину, вцепилась зубами в его загривок. Лес вздрогнул от дикого, протяжного вопля боли и ужаса, вырвавшегося из горла мужчины.

Стеша вырвалась из его ослабевшей руки, и на четвереньках попятилась назад, не отрывая взгляда от происходящего.

– Ни хрена себе ... – воскликнул водитель, суетливо роясь в бардачке.

– Волк, берегись!!! – крикнула Стеша, увидев в его руке пистолет, направленный на животное.

Зверь сделал резкий скачок в сторону леса, а не успевший среагировать водитель нажал на курок. Выстрел пришелся вместо волка в спину его друга. Тот выгнулся дугой, пытаясь подняться, затем медленно осел на бок, перевернулся на спину и, несколько раз дернув ногами, затих. Животное прыгнуло с откоса и мгновенно исчезло в лесу.

Стеша поднялась на ноги и понеслась следом за ним.

Пассажиры в машине некоторое время сидели молча, замерев в оцепенении.

– Что это было? – наконец спросил один из друзей.

– Серёга, ттты уббил Лёху... – то ли спрашивая, то ли констатируя факт, сказал второй, заикаясь от волнения.

– Не знаю... Выйди посмотри, может, он ещё живой...

– А вдруг эта зверюга вернётся?

– Я её отпугну.

– Хватит, ты уже раз отпугнул...

– Я же не нарочно...

– Ясный пень, что не нарочно. Я думаю, Лёхе уже ничем не поможешь, поэтому надо делать отсюда ноги и как можно скорее.

– Бросить Лёху?

– А что делать? Вон позади идут машины. Сейчас они остановятся и вызовут кого надо, а нам лишние разборки ни к чему.

– А эта ведьма? Она может нас сдать...

– Прикажешь пойти поискать её в лесу?

– Да нет уж, в этот лес я больше ни ногой.

– Ну, тогда быстрее заводи и поехали.

На следующее утро Кирилл снова подошел ко двору Буренковых. Его метка – небольшая веточка, пристроенная им вчера на проволочном запоре калитки, лежала на месте. Замок на двери висел в том же положении, в каком его оставил Фомич. Значит, ни Стеша, ни Митяя дома не появлялись.

Услышав шаги, из – за сарая с лаем выбежал Шарик, вернувшийся домой, чтобы восстановить утраченные силы посредством теплого супчика, которым его обычно потчевала хозяйка. Узнав соседа, с которым дружил ещё со времён своего щенячьего детства, пёсик радостно затаивался и помчался к нему. Прошмыгнув в дыру под забором, затанцевал вокруг

ног Кирилла в надежде, что тот угостит хотя бы сухой корочкой хлеба, которая, он знал, всегда имелаась в его кармане для собак, кошек и птиц.

– Привет, Шарик! – сказал Кирилл.

Присев на корточки, он потрепал его за загривок и погладил по спине, увешанной тугими колотунами сбившейся шерсти. Шарик подпрыгнул и радостно лизнул его в нос.

– Хороший, хороший пёсик... Да ладно тебе лизаться, скажи лучше, где Стеша? Куда она делась?

Услышав знакомое имя, Шарик оглянулся, и не увидев хозяйки, заскулил.

– Эх ты, охрана... – вздохнул Кирилл, – всё бегаешь по деревне и знать не знаешь, что творится в твоём собственном дворе. Ну ладно, схожу – ка я к Якову Фомичу, может, у него есть какие новости. А ты видать, голодный... На вот тебе кусочек хлебушка и беги домой.

– Привет, Кирюха! – воскликнул Фомич, обрадовавшись раннему гостю, – Ну, рассказывай, что у нас новенького? Стеша дома не появлялась?

– Не появлялась. Митяя тоже нет.

– Да я знаю. Соседи Михея говорили, они до сих пор там гомонят. Похоже, их праздник затянется не меньше, чем на неделю.

– Пускай празднует, всё равно от него нет никакого толка... – махнул рукой Кирилл, – А ты насчёт Стеши не приценялся? Когда можно будет подавать в розыск?

– А как же, разговаривал со знакомым следаком. Говорит, и не надейся. У них там происшествие случилось какое – то необычное, весь следственный отдел на ушах стоит. Да и заявление они могут принять только от родственников.

Кирилл присел на стул, и, вздохнув, понурил голову.

– Да ты не переживай, найдётся твоя соседка. – успокоил Фомич, и пристально посмотрев на него, сказал, – я давно уже замечаю, что ты к ней равнодушен. Жаль, что она выбрала не тебя, а этого... не знаю, как его и назвать.

– Не буду скрывать, – ответил Кирилл, краснея до корней волос, – Она мне нравится, и даже очень.

– А я и не удивлен. Таких, как она, сейчас одна на сотню.

– Да нет, не на сотню, а, скорее, на тысячу, да и то вряд ли. – возразил Кирилл, и, не в силах сдерживаться, воскликнул: – да я бы душу за неё отдал!!!

Оба мужчины замолчали, смутившись взрывом эмоций, вырвавшимся из глубины души. Фомич кашлянул и стал перекладывать лежавшие на столе бумаги. Кирилл достал из кармана носовой платок, вытер вспотевший лоб и, немного успокоившись, спросил:

– Рассказывай, Фомич, что такого необычного случилось в наших краях?

– Да... – спохватился участковый, – Я как раз перед твоим приходом разговаривал со своим знакомцем. В ту ночь, когда случилась буря, на трассе, на границе нашего и соседнего района, помнишь, где старый ельник, произошло загадочное убийство. Короче, там был обнаружен труп мужчины, лежавший на обочине дороги. И ты знаешь, что с ним произошло?

– Что?

– Он убит выстрелом из пистолета.

– А что тут необычного?

– Так дело – то не в том, что в него стреляли, а в том, что перед этим кто – то здорово погрыз ему загривок.

– Как погрыз? – заинтересовался Кирилл, – Кто?

– А кто ж его знает... Скорее всего, собака.

– Может, она погрызла уже мёртвого? Сейчас бродячих собак хватает, с голоду могли и погрызть.

– В том то и дело, что кусали живого.

– Действительно, необычная история, но меня она тоже почему – то не удивляет. Сейчас у каждого крутняка свои причуды. Одни с битами носятся, другие с оружием, а некоторые и с обученными собаками. Я таких понавидался. Приезжают вроде бы на охоту, а сами друг перед другом оружием или собаками, что стоят подороже автомобиля, выхваляются похлеще, чем бабы новыми тряпками.

– Что верно, то верно. Народ у нас такой, его мёдом не корми, а дай похвастаться. Да, забыл сказать, следак говорил, что рядом с убитым найден пакет с вещами.

– Какими вещами?

– Женскими.

– А женщина? – голос Кирилла дрогнул.

– Женщины не было. – успокоил Фомич. – По следам на обочине видно, покойник приехал туда на джипе, который укатил в неизвестном направлении.

– Так может, она на этом самом джипе и укатила? Например, хозяйкой собаки была женщина. Она же по какой – то причине натравила её на мужика, а потом, испугавшись того, что сделала, прыгнула за руль и сбежала вместе с машиной.

– Может и так. Но следователь сказал, в пакете было смена белья да пара платьев китайского ширпотреба, который любят деревенские за яркость и дешевизну. Те, которые ездят на джипах, китайскую дешёвку не покупают, и вещи свои носят не в рублёвых пакетах, а в сумках. Чтoб заработать хотя бы на одну такую, нам с тобой нужно крепко постараться.

– Это верно. А может, его убили в каком – то в другом месте, а на дороге выбросили из машины и укатили?

– Нет. По следам крови было определено, что он умер именно там, где его нашли.

– Слушай, Фомич, а ты не желаешь туда прокатиться?

– Куда?

– На место происшествия. Хотелось бы посмотреть на всё собственными глазами.

– А что, давай съездим. Хотя не думаю, что мы найдём что – то новое. Там столько людей перебывало, да и машины идут одна за одной, скорее всего, уже не осталось никаких следов.

– А вдруг... Я на всякий случай возьму свою собачку.

– Хорошо, давай за нею съездим. Слушай, нам бы вместе с собачкой ещё какую – нибудь вещь, принадлежащую Стеше.

– Ты хочешь сказать, что к этому убийству причастна Стеша? Фомич, ты шутишь? Подумаешь сам, как она могла там оказаться, а, главное, зачем? От нас до ельника километров двенадцать, не меньше, и ещё пять до города. Не пешком же она туда собралась...

– А что, для молодой, здоровой женщины это не расстояние...

– Так – то оно так, но куда и зачем?

– Ну, знаешь, от такого мужа...

– Вот в этом я с тобой согласен. От такого мужа давно надо было бежать куда глядят глаза, но срываться пешком, в глухую ночь, забыв обо всех делах... Нет, Стеша на такие поступки не способна. И потом, собака... Стешин Шарик такого сделать не мог, это точно. К тому же, полчаса назад он был у себя дома, я сам видел. И вообще, обычная собака скорее вцепится человеку в ногу или руку, или, на худой конец, в зад, если он его подставит. А умудриться укунить за загривок может только пёс крупный и сильный, или же специально натасканный. Насколько я знаю, такой собаки не было не то что у Стеши, а вообще во всей нашей округе.

– Подожди, Кирилл, послушай меня. Я сам понимаю, что Стеша к этой истории не имеет никакого отношения. Но мы пока знаем одно – она исчезла вдруг и незнамо куда. Похоже, искать её никто, кроме нас с тобой, не собирается. А мы даже примерно не знаем, с чего эти поиски начинать. А вдруг каким – то боком... Хотя, может, пока мы тут сидим, она уже вернулась домой. Как раз сейчас мы это и проверим.

– Похоже, здесь это и произошло... – сказал Фомич, останавливаясь в нескольких метрах от куста, на котором трепетали обрывки полосатой ленты.

Оба вышли из машины и огляделись. Даже днём это место, расположенное неподалеку от мостика через ручей, протекавший по дну глубокой впадины, выглядело угрюмо и неприветливо. Широкие лапы тёмной столетней ели почти касались обочины, укрывая крутой откос, усыпанный толстым слоем сухой хвои. Ворон, сидевший на её верхушке, находившейся по отношению к стоявшим на дороге людям не так уж и высоко, каркал громко и монотонно, то ли демонстративно не замечая присутствующих рядом бескрылых двуногих, то ли, напротив, пытаясь рассказать им о произошедшей здесь трагедии. В свете произошедших на этом месте событий казалось, что в его угрюмом карканье явно прослушиваются вещие нотки, напоминающие о бренности жизни.

– Смотри – ка, какой смелый, – удивился Фомич, – вроде и недалеко сидит, а людей не боится...

– Видит, что мы без оружия, потому и не боится.

Выпустили Валета. Пёс выпрыгнул на дорогу и, подпрыгивая от возмущения, разразился свирепым лаем в сторону ворона. Тот замолчал, словно не считая нужным отвечать на выпады бестолкового животного. Некоторое время он, не теряя невозмутимости, которую вполне можно было бы принять за высокомерие, внимательно разглядывал пса и стоявших рядом людей, словно стараясь получше их запомнить, потом тяжело взлетел, и, поднявшись высоко в небо, стал медленно планировать, выписывая над ними широкие орлиные круги.

На обочине виднелся отчётливый, уже высохший след протектора. Рядом с ним на мелкой серой гальке темнело кровавое пятно. Ещё день – два и время скроет его под слоем пыли или смоем дождями, а затем и вовсе сотрёт из памяти. Других следов не было.

Кирилл достал из пакета косынку, прихваченную с вешалки в Стешином доме, и дал понюхать собаке. Пёс не сразу понял, чего от него хотят, и, вместо того, чтобы нюхать поднесённую к его носу тряпицу, схватил её зубами и стал играючи тянуть из рук хозяина.

– Видать, тоже понимает, раз хозяин без оружия, значит приехали не на охоту. – заметил Фомич.

– Ну да, своё дело он знает туго. – подтвердил Кирилл, – при виде ружья он ведет себя по другому. Да и натаскан он на зайцев да куропаток, а не на людей.

Кирилл поймал пса за ошейник, и, легонько шлёпнув по морде, прикрикнул: – «Фу, угомонись, оглашенный! Давай, нюхай!» – снова ткнул носом в платок. Взбучка подействовала на собаку отрезвляюще. Успокоившись, Валет обнюхал платок и, опустив нос к самой земле, стал кружить по обочине. Подойдя к краю, он неожиданно зарычал.

Кирилл бросился к нему и стал разыскивать след, привлёкший внимание Валета, но ничего, кроме нескольких окурков не обнаружил. Валет же ошетинился и злобно лаял, словно чувствуя присутствие дикого зверя.

Кирилл пытался разглядеть меж ветвями то, что раздражало собаку, однако, внизу было спокойно, не шелохнулась ни одна травинка.

– Чего это он расхотелся? – спросил Фомич, вглядываясь в лес.

– А кто ж его знает, может белку почуял, а может ещё какую зверюшку. Похоже, Стеших следов здесь нет, или их затоптали побывавшие тут люди. Ладно, Валет, гуляй...

Он потрепал собаку за загривок. Валет оглянулся и повилял хвостом, словно говоря: – «прости, но я сделал всё, что мог», однако поза его продолжала оставаться напряжённой.

– Да, скорее всего эта тема у нас отпадает... – согласился Фомич, доставая из кармана сигареты. – и я опять склоняюсь к тому, что она гостит у кого – то из деревенских. Ладно, давай перекурим и поедем домой.

Кирилл ещё раз обвёл взглядом место происшествия и сказал: – «Какая всё – таки непредсказуемая штука человеческая жизнь... Ехал человек ехал по каким – то своим делам,

ни о чём не думая, и вдруг посреди пути встретил такой страшный конец. Узнаем ли мы когда –нибудь, за что так наказала его судьба?».

– Да, загадочная история... – подтвердил Фомич, и, стряхнув пепел с сигареты, задумчиво проследил, куда он упадёт. Ветерок развеял его в едва видимое облачко и отнёс на еловую лапу, тянущуюся к кромке обочины.

– Посмотри – ка сюда, Кирилл! – воскликнул он, заметив комок шерсти, застрявший в иголках, – уж не волчья ли это шерсть?

– Где? – встрепенулся Кирилл.

– А вон на той ветке...

– Точно, волчья!!! Потому Валет и бесился, что почуял волка. Но как она туда попала?

– Похоже, волка что – то испугало, скорее всего, выстрел, он со всего маху сиганул вниз и зацепился за ветку. Наверняка, этот самый волк мужика и загрыз. Вот тебе и разгадка.

– Скорее всего это очередная загадка, а не разгадка. – вздохнул Фомич, – Может, здесь и правда побывала Стеша?

– Это фантастика ... Скажи мне, какая может быть связь между волком и Стешей?

– Не знаю какая, но есть.

Глава 4

Прыгая вслед за волком, Стеша не думала о том, какой опасности себя подвергает. Большого зла, чем от людей, она в тот момент не ожидала ни от кого. То, что откос окажется таким крутым и высоким, она поняла лишь тогда, когда покатила вниз, скользя и кувыркаясь по усыпанной хвоей земле и выступающим из неё камням. Внизу она со всего маха ударилась о ствол дерева и на несколько секунд потеряла сознание.

Придя в себя, она услышала где – то наверху голоса и увидела отсвет фар, слабо просвечивавший сквозь еловые ветви. Надо было бежать, пока не началась погоня. Пытаясь подняться, она оперлась на правую руку и едва снова не отключилась от резкой боли в побитом теле и особенно в локтевом суставе. Полежав несколько секунд, сцепила зубы, чтоб не закричать, осторожно перекатилась на левый бок, и, с трудом поднявшись на ноги, поковыляла вглубь леса. В темноте она то и дело натывалась на кусты и ветви, падала через пни и поваленные деревья. Шелест травы и треск валежника под ногами пугали и подстёгивали, заставляя ускорять шаг из последних сил.

Солнце уже осветило верхушки деревьев, когда она, окончательно обессилив, остановилась и, вцепившись руками в ствол дерева, замерла. Вслушиваясь в звуки леса, она пыталась выделить среди птичьего гама гул проезжающих автомобилей, но ничего подобного не было. Похоже, трасса находилась уже далеко. Во всяком случае, преследователей слышно не было. Стеша села, опершись спиной о ствол, вытянула ноги и закрыла глаза, наслаждаясь покоем. О том, что делать дальше, куда идти, пока не хотелось даже думать. Незаметно для себя она задремала.

Разбудил её крик кукушки. Она уселась где-то неподалеку и усердно отсчитывала кому – то года. Стеша вспомнила о вчерашнем незнакомце и заплакала, невольно почувствовав себя виноватой в его страшной, нелепой гибели. Возможно, он дожил бы до глубокой старости, не попадись ему на ночной дороге она и волк. Похоже, волк был тот самый... но каким образом он её нашел? Неужели следовал за нею по пятам, словно взяв на себя ответственность за её жизнь? А что, если переселение душ действительно существует и её оберегала бабушка, дух которой после смерти переселился в этого зверя? Стеша потрогала рукой спрятанную на груди иконку. Нет, кого – кого, а свою бабушку в личине волка она себе не представляла.

В животе заурчало от голода. Желудок напоминал о том, что жизнь продолжается. Стеша вытерла слёзы и поднялась на ноги. Кружа в темноте между встававшими на её пути препят-

ствиями, она окончательно потеряла все ориентиры, и теперь не понимала, в какую сторону податься, чтобы выйти к людям. Оставалось надеяться на то, что этот лес не такой уж и большой, и, рано или поздно, выход из него найдётся.

Первые шаги давались с большим трудом, потом мышцы размялись и стало немного легче. Сильно болел правый локоть. Стеша укутала его лопухом и, плотно прижав руку к себе, пошла дальше, внимательно оглядываясь по сторонам в надежде выйти на какую-нибудь тропинку. На пути встретила небольшую полянку, поросшую земляникой. Стеша собрала горсточку полужелёных ягод, и присела, чтобы отдохнуть и позавтракать. Она бездумно бросала ягоды в рот по одной штучке и тщательно пережевывала. Рот наполнился кислотой, но ощущения сытости не приходило. Вздыхнув, прикрыла глаза и снова затаила дыхание в надежде услышать хоть какие-то звуки, говорившие о присутствии людей, но вместо этого услышала кваканье лягушек.

– Лягушки – это хорошо... – прошептала Стеша. – где лягушки, там вода, речка или озеро, хотя, может быть и просто болото... Всё равно надо идти туда.

Метров через сто между деревьями показался широкий просвет. Стеша ускорила шаги и вышла к небольшому, живописному озерцу. Лес отступил, освободив место зарослям осоки и тальника. Она нашла меж кустами пологий песчаный спуск, разулась, и, спугнув сидевших у берега лягушек, зашла в воду умыться. Вздрагивая от холода, стала подбирать подол платья, чтобы не замочить, и только сейчас увидев, какое оно грязное, с сожалением вспомнила о пакете с вещами, оставшемся на дороге. Теперь ей не во что было даже переодеться.

Стеша вернулась на бережок, вынула из-за пазухи свёрток, в котором лежали завернутые в полотенце документы и икона, развернула и положила на траву, а полотенце повесила на куст. Затем разделась догола, и, поминутно оглядываясь, быстро, насколько позволял больной локоть, постирнула снятые с себя вещи. Отжав, хорошенько встряхнула и раскинула на кустарнике сушиться. Солнце начало пригревать, озноб прошёл и вода уже не казалась такой холодной. Стеша зашла поглубже и поплыла на середину озера. От ощущения чистоты и свежести на душе немного полегчало.

У противоположного берега раздалось громкое кваканье. Из зарослей вышла небольшая серая утка, ведущая за собой выводок крошечных, недавно вылупившихся утят, покрытых желтым пушком с чёрными подпалинами. Войдя в воду, она стала призывно кричать, приглашая их за собой. Немного потоптавшись на месте, крохи стали шлёпаться друг за дружкой в воду и, собравшись в стайку, закружились вокруг своей мамы. Одобрительно покрякав, она стала собирать росшую вдоль берега ряску. Малыши послушно повторяли её действия.

– Летят ути, летят ути, и два гуся, Кого люблю, кого люблю, не дождуся... – потихоньку запела Стеша, плавно водя ладошками по поверхности воды.

Звуки свирели, вторящие её голосу, она восприняла поначалу как собственную фантазию, мелодию окружавшей её сказочно прекрасной природы, восприятие желаемого за действительность и закрыла глаза, полностью погружаясь в ощущение радости и счастья. Но что-то заставило её замолчать, а музыка продолжала звучать. Стеша оглянулась.

На берегу стоял коренастый, круглолицый парень лет тридцати пяти. У него были выпуклые, широко расставленные голубые глаза с бесцветными ресницами и широкий рот. Одет он был в старые растянутые трикотажные штаны и полинялую синюю футболку, на ногах заношенные кроссовки. На белесых, давно не стриженных, волосах нахлобучена потрёпанная соломенная шляпа. На плече у него висела домотканая сумка, из которой выглядывало горлышко пластиковой бутылки с молоком, и удочка, которую он придерживал локтем, играя на самодельной деревянной свирели. Если бы не современная, хотя и сильно поношенная одежда, его вполне можно было бы принять за пастушка, сошедшего с картины какого-то старинного художника.

Испугавшись, Стеша прикрыла руками голую грудь и присела поглубже в воду. Парень прекратил играть и смотрел на неё во все глаза, словно ожидая одобрения его музыкальных способностей. Улыбка и взгляд его были настолько добры и по – детски наивны, что Стеша поняла, парень немного не в себе и бояться его не стоит. Такие люди бесконечно искренни и преданны тем, кто хорошо к ним относится. Однако, был ли он здесь один, или где – то неподалёку скрываются его товарищи?

– Ты кто? – спросила Стеша, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Родька... Я Родька. – радостно сообщил парень, улыбаясь во весь рот. – А это Машка.

Только сейчас Стеша заметила стоявшего чуть в стороне от него рослого щенка серой масти месяцев шести от роду. Машка стояла спокойно, опустив к земле прямой хвост и немного зауженную, как у лисы, морду и смотрела исподлобья равнодушными, чуть раскосыми жёлтыми глазами.

– Это же не собака, это волк... – воскликнула Стеша.

– Волк. – подтвердил Родька, часто – часто кивая головой, – мой волк. Правда, красивый?

– Правда.

– Я – Родька, – сказал парень, то хлопая себя по груди, то указывая пальцем на собаку, словно Стеша была иностранкой, не понимающей русского языка, – а это Машка. Родька – Машка, Родька – Машка... А ты кто?

– Русалка... – невольно вырвалось у Стеши, вынужденной стоять перед посторонним, пусть не совсем умным, но физически здоровым молодым мужчиной нагишом, едва скрываясь в воде.

– Русалка? – Родька сдвинул брови и отступил на шаг назад. – С хвостом?

– Да. Не подходи, не то защекочу и утоплю...УУУУУУ...– Стеша закатила глаза под лоб, и, вытянув руки вперёд, пошевелила пальцами, словно когтями.

– Не надо... – закричал Родька плачущим голосом, – Родька добрый, Родька хороший...

– Не буду – не буду... – поспешила успокоить Стеша, поняв, что парень, остановившийся в развитии где – то в раннем детском возрасте, испугался не на шутку, – Не бойся меня, я тоже добрая. Я не русалка, и никакого хвоста у меня нет.

В доказательство она легла на живот и пошлёпала ногами по воде.

– Видел? Нет хвоста. Меня зовут Стеша.

– Теша! – повторил Родька.

– Не Теша, а Стеша.

– Теша! Теша! – настаивал Родька.

– Ну и ладно, пускай будет Теша, если тебе так удобней. Давай с тобой дружить.

– Родька, Машка, Теша... Родька, Машка, Теша...– обрадованно залопотал Родька.

Судя по всему, Машка являлась его единственным другом, и он был несказанно рад тому, что Стеша согласилась присоединиться к их компании.

– Бедный ты мой, бедный... – искренне пожалела Стеша.

Однако, её уже начал бить озноб. Надо было выходить из воды, но делать это при Родьке она не могла.

– Родечка, дружок, – сказала она как можно ласковой, – мне очень холодно. Ты не мог бы развести костёр?

– Огонь? – заинтересовался Родька.

– Да – да, огонь. У тебя есть спички?

– Есть! – Родька пошарил в сумке и с гордостью показал ей помятый спичечный коробок.

– Вот и отлично! Принеси, пожалуйста, дров.

– Дружок, дрова... дружок, дрова... дружок, дрова...– повторяя эти слова как заклинание, Родька бросил удочку и вприпрыжку помчался в лес. Машка потрусилась вслед за ним.

Стеша выскочила на берег, и, не вытираясь, быстро натянула на себя сырую одежду и переплела косу. Только теперь, прикрыв свою наготу, она обрела способность мыслить и радоваться тому, что небесные силы прислали ей на помощь Родьку. Наверняка, этот вновь приобретённый товарищ поможет выйти к людям, а большего ей и надо.

Слева затрещали кусты. Стеша, опасаясь появления ещё какого –нибудь рыболова –любителя, на всякий случай спряталась за куст.

– Аууу, Теша! Дружочек пришёл!!! – позвал Родька, выбегая на берег. – Ты где? Теша... Родька дружочек здесь...

Не увидев Стешу в озере, он швырнул наземь охапку принесённого валежника, забежал в воду по пояс, и, горестно причитая, стал оглядываться в поисках только что найденной и тут же потерянной подружки. Судя по тому, сколько боли и разочарования звучало в его голосе, она, несмотря на столь краткий срок их знакомства, успела занять очень важное место в его сердце.

Слушая его стенания, Стеша сама едва не зарыдала от жалости к этому несчастному, невинному созданию.

– Родечка, я эдесь! – откликнулась она, выходя на открытое место.

– Спряталась... – воскликнул Родька, – хотела играть в прятки? Не надо... Родька, прятки... не надо... Надо Родька, Машка, Теша, дружочек... Прятки не надо...

– Прости меня, я больше не буду... – пообещала Стеша, подбирая брошенные им дрова.

Вскоре она шагала вслед за счастливым, то и дело оглядывавшимся Родькой, обсохшая, обогрелая и насытившаяся вкуснейшим козьим молоком.

Примерно через час перед ними открылось обширное болотистое пространство с небольшими островками, поросшими осокой и редкими чахлыми берёзками. Родька остановился и повернувшись к Стеше, предупредил:

– Болото... осторожно, а то буль – буль и всё...

– Мы не утонем? – спросила Стеша, оглядывая редкие островки с худосочной порослью.

– Не, не утонем. – ответил парень, доставая из кустов две большие палки. – на тебе слегу и иди следом за Родькой. Не бойся.

Ей пришлось идти за ним шаг в шаг. Мягкая пружинистая почва под ногами отзывалась на каждый шаг вздохами, чавканьем и бульканьем. Слега, на которую она опиралась, иногда проваливалась, соскользнув с тропы, и Стеше едва удавалось удержать равновесие и не свалиться в болотную топь.

Останавливаясь, чтобы перевести дух, она почти каждый раз видела располагавшихся на пеньках и кочках змей. Они грелись на солнышке, и никак не реагировали на проходящих мимо людей, словно чувствуя, что именно они и являются настоящими хозяевами этого гиблого места. Каждый раз, ловя взгляд их холодных немигающих глаз, Стеша чувствовала невероятный страх. Родька, словно чувствуя спиной каждое её движение, оглядывался и подбадривал:

– Не бойся, Теша, не бойся, Родька здесь.

Машка следовала впереди них, легко перепрыгивая с кочки на кочку и, останавливаясь, каждый раз оглядывалась. Стеше иногда казалось, что в глазах молодой волчицы читался откровенный интерес – сможет ли она преодолеть привычный для них с Родькой путь. Похоже, ей не очень нравилось то, что в их маленькой компании появился ещё один товарищ. Возможно, она слопала бы соперницу с большим удовольствием, но, понимая, что сделать это ей не позволят, желала, чтобы та, сделав неверный шаг, провалилась в топь и, как выразился Родька, сделала «буль – буль».

Казалось, дороге этой не будет конца. Однако, незаметно в болото вклинилась узкая полоска сухой земли, поросшей редким сосновым лесом. Выбравшись на сушу, Стеша улыбнулась Родьке, притопнула по твёрдой земле и, окончательно осмелев, потрепала Машку по загривку. Волчица встряхнулась, и, как ей показалось, нарочито обрызгала её с головы до ног.

Видимо, ей хотелось показать, что она не собирается заискивать перед это двуногой особью, невеста откуда явившейся и сразу же признанной и зачисленной хозяином в число их друзей. Демонстрируя свою независимость, Машка широко зевнула и, отойдя в сторону, прилегла возле сосны.

Стеша вылила из окончательно раскисших туфель болотную жижу, отжала и отряхнула грязный подол и бодро зашагала босиком по сплошь усыпанной сосновыми иголками и шишками земле.

Вскоре она заметила впереди два каменных столба, стоявших в паре метров друг от друга. Судя по торчащим из них ржавым металлическим крючьям, на них когда – то держались ворота. Далее вековые лиственницы выстроились в ровные ряды, похожие на неухоженную аллею, ведущую к остаткам длинного полуразрушенного строения, одно крыло которого уходило в болото.

Стеша остановилась, с интересом разглядывая некогда белые стены с пустыми оконными проёмами, широкое крыльцо с осыпавшимися ступенями и массивные двустворчатые, чудом сохранившиеся, дубовые двери, над которыми был выбит вензель из двух переплетённых букв Г Т. Она знала, что видела нечто подобное, но не могла вспомнить где.

Она словно переместилась в прошлое. Всё это – полуобгоревшая крыша с широкими печными трубами, торчащими сквозь остатки проржавевшего железа, стены, поросшие молодой порослью, создавали притягивающую картину, вызывающую к себе печальным напоминанием о давно минувших днях. Казалось, сейчас в чёрных глазницах окон пройдёт череда безмолвных силуэтов когда – то живших здесь людей, но вместо этого из крайнего окна взлетела огромная серая сова. Стеша невольно вздрогнула, когда она с шумом пролетела над её головой и уселась на сук векового дуба. Где – то заблеял козлёнок. Его плачущий голос был тонок и жалостлив. Ему в ответ слышался тяжёлый вздох.

Стеша оглянулась. Неподалёку стояла согнутая в три погибели старуха в чёрном монашеском одеянии. Она тяжело опиралась на клюку и внимательно разглядывала Стешу. Тёмное морщинистое лицо, крючковатый нос, провалившийся беззубый рот и кустистые, низко нависавшие над глазами брови делали её похожей на бабу Ягу.

– Здравствуйте, бабушка! – сказала Стеша, глядя на неё с нескрываемым удивлением и жалостью.

– Здравствуй... – скорее выдохнула, чем сказала старуха, разглядывая её лицо, – Анастасия, как есть, Анастасия... А я уже и не чаяла тебя дожидаться.

Её скрипучий голос был слаб и безжизненен.

– Вы меня ждали? – удивилась Стеша, – Почему?

– Так было написано на роду... – ответила старуха.

– На чьём роду?

– На твоём, последней из рода Тумановых.

– Я не Туманова, я Буренкова, – ответила Стеша, не желая вводить старую, наверняка потерявшую память, женщину в заблуждение. – Степанида Буренкова.

– Твоего отца звали Никитой? – спросила старуха, не обращая внимания на её слова.

– Да, Никитой. А откуда вы знаете? – удивилась Стеша.

– Знаю. Где он сейчас?

– Он умер, когда я была совсем маленькой. Утонул в реке вместе с моей мамой. Меня растила бабушка. Она тоже умерла, три года назад.

– Муж есть?

– Нету. – ответила Стеша, но, не желая лгать, тут же исправилась – я от него ушла.

– Пошто так? – строго спросила старуха.

– Сильно пил.

– Небось и бивал?

– Бывало... – вздохнула Стеша.

– Ничего на Руси не меняется... – проскрипела старуха, качая головой. – Ну да бог с ним. Похоже, отец твой тоже умер не зная, кто он и откуда. Значит, Анна сдержала клятву, сохранила тайну до самой своей смерти.

– Тайну? Наверное, сохранила... – задумчиво произнесла Стеша, вспомнив бабушкины недомолвки и нежелание говорить о своём прошлом, – вижу, вы эту тайну знаете. Можете мне её рассказать?

– Не спеши, всё расскажу. Немного погодя. Устала. Ох, боюсь, не успею.

– Давайте, я вам помогу. Куда вас проводить?

Стеша взяла её под руку. Тут же рядом возник, словно вырос из – под земли, Родька, и приговаривая, – «мама, зачем поднялась, мама, нельзя, нельзя»... – стал ей помогать.

Вдвоём они провели едва передвигавшую ноги старуху в небольшую деревянную сто-рожку, стоявшую неподалёку, и уложили на деревянный топчан, накрытый ворохом давно нестиранного тряпья. Стеша с трудом высвободила из её рук клюку, поставила в угол и присела на второй топчан, видимо, служивший постелью для Родьки. Старуха лежала, не шевелясь, и казалось, уже не дышала.

Стеша взяла холодную, словно восковую, руку в свои ладони и стала согревать, желая вдохнуть жизнь в немоющее тело. При этом она оглядывала комнатку с единственным запы-лённым, затянутым паутиной окошком. В едва пробивавшемся сквозь него свете была видна донельзя закопчённая печь с вмазанным в неё ведёрным чугуном, наполненным водой. Рядом с ним стоял закопчённый чайник, ещё один, пустой чугунок меньшего размера и помятая, тоже пустая, алюминиевая кастрюлька.

В углу стоял громоздкий сундук с кучей тряпья. Над ним висела примитивная деревян-ная полочка, на которой стояли небольшая стопка глиняных мисок с деревянными ложками, тройка выщербленных кружек, а так же несколько берёзовых туесков и стеклянных банок.

Надо было что – то предпринимать для того, чтобы вернуть к жизни единственного сви-детеля, знавшего о её предках.

– Дружок, – позвала Стеша, – ты где?

– Родька, Теша, Машка, дружок... – зашебетал Родька, появляясь в дверном проёме.

– Родечка, маму надо покормить. Нужен чай, какая –нибудь еда. У вас есть еда?

– Еда... – протянул Родька, мечтательно щурясь.

Видимо, никакой еды, кроме козьего молока да пойманной Родькой рыбы, судя по рыбьим чешуйкам, присохшим к столу, у них давно уже не бывало.

– Если еды нет, надо развести огонь, и я что –нибудь приготовлю.

– Огонь! Еда! Огонь! – запел Родька на разные голоса и вприпрыжку выскочил за порог, но тут же вернулся, и, заглядывая в Стешины глаза, строго сказал: – Теша, прятки нельзя. Прятки не- Нет – нет, мой дорогой. – ответила Стеша, – не бойся, никуда я не уйду. Разве я могу оставить вас одних?

– Дорогой, Теша, дружок, огонь, еда... – обрадовался Родька.

Стеша поднялась и стала оглядывать полку в поисках хоть каких-нибудь продуктов. В туесках нашлось немного муки, сушеных грибов, горсточка риса, сбор сушеных трав, несколько чёрных сухарей и сухих просфорок.

Значит, связь с миром у них всё – таки есть, поняла Стеша. Судя по наличию просфорок, Родька (у старухи на это вряд ли хватило бы сил), ходит в церковь в ближайшее село, или их навещает какой – то человек. Это значит, у неё есть возможность выйти к людям. Однако, теперь она не могла себе позволить оставить этих беспомощных людей на произвол судьбы.

В ожидании Родьки Стеша нашла веник и какую – то тряпку, смахнула паутину, подмела пол и тщательно протёрла окно. В комнате немного посветлело. В углу она обнаружила тол-стый пенёк, на котором стояла кадка с водой и плавающим в ней деревянным ковшиком. Стеша

зачерпнула воды, сделала пару глотков, и, повернувшись к старухе, заметила, что та наблюдает за нею из – под приспущенных век.

– Вам уже лучше? – спросила Стеша, склоняясь над нею, – Может, вы хотите пить? Давайте, я вас напою.

Старуха слабо шевельнулась. Стеша поставила ковшик на стол и, слегка приподняв ей голову, напоила из ложки, приговаривая:

– Сейчас Родька принесёт дрова и я сварю вам грибной супчик и кашу. Вы хотите супчик?

Из глаз старухи ручьями потекли слёзы. Вытирая их краешком её чёрного платка, Стеша вспомнила покойную бабушку, свой покинутый дом, трагедию, произошедшую прошлой ночью и тоже заплакала.

– Ничего – ничего, – сказала она, стараясь сдерживать всхлипы, – я вас не оставлю и всё у нас будет хорошо.

Съев по несколько ложек ароматного грибного супа и рисовой каши на свеженадоенном Родькой козьем молоке, старуха заметно ожила. Дав ей немного отдохнуть, Стеша достала из – за пазухи свёрток с иконой. Развернув его, положила икону на стол, а край полотенца смочила тёплой водой, собираясь обтереть женщине лицо и руки.

Увидев икону, старуха заволновалась, протянула к ней руки и попыталась приподняться.

– Вы хотите на неё посмотреть? – спросила Стеша.

– Да... Дай мне её, дай... – потребовала старуха неожиданно твёрдым голосом.

– Лежите – лежите, я вам её подам. Это икона моей бабушки.

Старуха взяла образок в руки, трижды перекрестилась, поцеловала, и, повернув к себе тыльной стороной, стала медленно водить пальцами по гладкой металлической поверхности. Наконец, что – то нащупав, воскликнула:

– Да, это она. Гляди сюда...

Стеша посмотрела на место, где застыл её палец, и увидела выгравированный вензель, похожий на тот, что выбит над входом в графский дом.

– Эта Богородица, жалованная прадеду графа, Григорию Туманову императрицей Екатериной второй. – медленно, с придыханием и частыми длинными паузами, заговорила старуха, – Значит, Анна унесла её с собой, и, как и обещала, сохранила для их внука. Теперь уже нет никаких сомнений в том, что ты действительно наследница Тумановых, правнучка Арсения Туманова, внучка Владимира Арсеньевича, дочь графа Никиты Владимировича Туманова, молодая графинюшка Степанида Никитишна. Хотя, Анна воспитала тебя так, что уже по одной твоей стати видно, что рода ты отнюдь не простого.

– Ну какая из меня графиня... – усмехнулась Стеша, – я самая обыкновенная доярка.

– Доярка? Ты, графиня в седьмом поколении, доишь коров?

– Дою, – ответила Стеша, – и ничего зазорного в этом не вижу.

– Больше тебе делать это никогда не придётся. Но для этого тебе нужно сделать одно – после моей смерти не выбрасывать ни единой тряпки из тех, что лежат подо мной, пока ты не переберёшь всё до последней нитки. Запомни это как отче наш.

– Пожалуйста, расскажите мне о предках моего отца... – попросила Стеша, не обращая внимания на слова старухи.

– Прадедами твоими были граф Арсений Михайлович Туманов, и его жена, Анастасия Львовна. Как раз на неё ты похожа ровно как две капли воды. Было у них двое детей, дочка Аглая и сын Владимир, твой дед. Его жену, бабуку твою, звали Варвара, ну а их сыночка, твоего отца, Никита, стало быть, Владимирович.

– А как же моя бабушка, Буренкова Анна? Кем была она?

– Анна служила гувернанткой маленького Никитушки. Была она родом из Питера, своих детей у неё не было. Хотя, может потом и были, могла же у неё быть своя семья, об этом я его не знаю.

– Нет, замуж она не выходила и никого, кроме моего отца и меня, у неё не было.

– Значит, не выходила... А ведь могла бы, от графьёв она не отличалась ни умом, ни образованием, ни воспитанием, ни манерами, а уж красавицей была – не описать. А как они пели вдвоём с Аглаей, как пели... – старуха покачала головой и на секунду замолчала, будто прислушиваясь к звучащим в её памяти голосам, затем продолжила, – да и похожи были, как родные сёстры... Мне всегда казалось, что у неё тоже была какая – то своя семейная тайна, о которой теперь никто никогда не узнает. Не берусь ни утверждать, ни отрицать, но ходили слухи, будто она была побочной дочерью старого графа, которой он дал образование, а потом взял в дом под видом гувернантки. Раньше у господ такое случалось довольно часто.

Старый граф был человек просвещённый, много читал, хорошо знал историю, и в политике тоже неплохо разбирался. Он всегда говорил, что бунты и революции рано или поздно перевернут жизнь России с ног на голову. И наступит время, когда тот, кто был никем, вдруг станет всем, а разным господам, особенно графьям да князьям, придётся бежать, задрав полы, куда глядят глаза. Так всё и произошло. Но сам граф бежать из России никогда не собирался. Он говорил:

– Все мои деды и прадеды всегда служили России верой и правдой, и я, несмотря ни на что, останусь здесь и буду жить, уповаю на судьбу и веру в то, что правда и справедливость рано или поздно восторжествует. Я не требую, чтобы мне зачлись подвиги и слава моих предков, однако память о них должна быть сохранена для истории. А история у каждого государства должна быть одна, и ни в коем случае не должна переписываться в угоду тех, кто приходит к власти тем или иным путём.

Раньше несколько деревень в округе, в том числе и этот лес, принадлежали ему. Он так и звался – Тумановский, только вряд ли кто теперь об этом помнит. В середине прошлого века граф построил вот это имение, а позже небольшой женский монастырь. Я думаю, в душе он надеялся на то, что смуты и революции со временем улягутся и жизнь пойдёт по – старому.

Однако и после революции в Росси ещё долгое время царила анархия. Погромы и расстрелы в Питере, да и не только в нём, происходили чуть ли не каждый день. И граф в конце концов решил спрятать в этом монастыре свою дочь Аглаю и невестку Варвару вместе с дитём и женской прислугой. В то время я служила у них горничной, и мы с Анной поехали вместе с ними. Варвара умоляла на коленях оставить её с мужем, уж больно они друг друга любили. Но старый граф приказал ехать, и очень просил нас всех сберечь хотя бы одного мужчину из их старинного рода, Никитушку.

Больше мы их не видели. Дошли слухи, будто всех их расстреляли вместе с оставшейся прислугой, которая пыталась их оборонить. За что – не знаю. Люди они были очень хорошие, только кто тогда с этим разбирался, всю знать старались истребить под самый корень...

Варвара Ивановна и Аглая не смогли пережить их смерти и умерли одна за другой в тот же год. Перед кончиной Варвара взяла с Анны клятву в случае чего выдать маленького Никитку за своего сына и беречь эту тайну до конца своих дней. Значит, Анна своё слово сдержала – посвятила свою жизнь Никитушке ... Она ведь воспитывала его с трёх лет и любила пуще родного...

Старуха одобрительно покивала, затем, немного передохнув, опять погрузилась в прошлое.

– И остались мы с ней одни, с графским дитём на руках. Жили за счёт монастыря, пока была жива старая игуменья Исидора, царствие ей небесное.... А когда её не стало, кто – то проговорился, что при монастыре прячут наследника старого графа, переодетого девочкой.

Однажды зимой, когда болота замёрзли, сюда нагрянула толпа пьяных мужиков и начала всё громить. Пока они бесчинствовали, Анне с Никитушкой удалось сбежать. Скорее всего, кто – то им помог. Где они потом обитались и как, никто не знает. Да никто их и не искал, никому это не было нужно.

Усадьбу разграбили, всё, что было можно унести, вывезли, а что нельзя – побили и пожгли. Монастырь тоже не пожалели, сожгли. А ведь старый граф людей особо не притеснял, и жили в его деревнях всегда зажиточней и сытней, чем у других помещиков. После революции стали жить ещё хуже, и голод был, и нищета, и банды всякие гуляли, громили всё подряд, чтобы от господ не осталось и следа. Все кричали о свободе, а те, кто был против такой свободы и пытался людей вразумить, становился врагом народа. Анархия, вседозволенность и безнаказанность, вот к чему это привело.

Поскольку само имение находилось далеко от ближних деревень и эти постройки ни на что согнуться не могли, все постепенно о нём забыли. Со временем дороги сюда позарастали, болота разрослись и остались мы, я и три монашки из нашего монастыря, жить в глухом лесу вместе с волками.

– С волками? – удивилась Стеша.

– Ну да... Иной раз с волками договориться проще, чем с людьми. Ещё при жизни Аглаи с Варварой наш сторож поймал в лесу подранка, волчонка с перебитой лапой. Посадил его в мешок и принёс домой, думал показать Никитке, а потом содрать с него шкуру. Только Аглая, добрая душа, убивать его не разрешила и стала выхаживать.

Скоро мы заметили, что рядом с имением поселилась волчья стая. И волчонок, как только лапа поджила, стал к ним убежать. Так и жил, словно на две семьи, то с нами, то с волками. За ним стали приходить и другие волчата, видать, его братья. Мы их не гоняли, иногда даже подкармливали молочком от наших коз. Постепенно вся стая прижилась рядом с имением, нас бояться перестала, а мы не боялись их.

С тех пор так и повелось. Стая то живёт тут, то уходит куда – то, скорее всего ищет, где есть больше живности для пропитания, потом возвращается обратно. Бывало и собак с собой приводили, и щенки общие у них нарождались. Ведь это природа управляет кому, как и где жить, а не человек. Так что волки наши теперь уже не совсем волки, но и не собаки. Хотя, не раз бывало, вели себя как собаки, отпугивали лихих людей, охотников искать клады.

– Лихих людей... – прошептала Стеша, вспомнив о погибшем незнакомце и спасшем её волке.

– Да. Ведь многие были уверены в том, что граф спрятал где – то в имении своё золото, и, если бы не волки, от него, наверное, камня на камне не осталось бы, всё бы перевернули. Однако наша стая всех отвадила.

Но однажды всё – таки явились трое преступников, сбежавших из тюрьмы. К тому времени монахини, которые были постарше, поумирали, и мы с Аксиньей остались вдвоём. На нашу беду, волчья стая на тот момент куда – то ушла и они вошли в имение свободно и беспрепятственно. Облазив всё в поисках клада, наткнулись на нас с Аксиньей. Сначала попросили еды, а потом...

Они измывались над нами как хотели, пытали, требовали рассказать, где зарыты графские сокровища. Как они нас только не мучили, и били, и к деревьям привязывали, и распинали, и по очереди по – всякому насиловали... Наконец – то, словно почувствовав неладное, явились наши волки. Услышав крики, примчались и набросились на них всей стаей, порвали всех троих в клочья. Их остатки мы потом побросали в ближайшее болото.

Не знаю, как об этой истории прознали люди. Возможно, кто – то наблюдал за всем этим со стороны, а вмешаться побоялся или не захотел. Но с той поры монастырь называли Волчьим логовом, а болото проклятым местом. Старуха надолго замолчала, судорожно сжимая руки, переживая заново страшное прошлое. Стеша подумала, что рассказ её уже закончен, однако она справилась с собой и продолжила:

– Казалось бы, такая страшная месть должна была облегчить душу, однако никакого облегчения не наступало. Аксинья сошла с ума. То начинала петь и хохотать без всякой при-

чины, то вдруг пугалась малейшего шороха, бегала по имению, кричала и от кого – то пряталась. Однажды её поймали в соседнем селе и отправили в больницу. Жива ли она, не знаю...

А мне бог такой милости, чтобы всё забыть, не дал. Видать, я сподобилась ему для другого – почти в шестьдесят лет выносить и родить Родьку. Наверное, потому он и родился убогоньким.

Поначалу, поняв, что ношу в себе их плод, я хотела наложить на себя руки. Однако, зная, что это тяжкий грех, не смогла на него решиться, скиталась по лесу, била себя по голове, царапала щёки, выла словно старая волчица, грызла стволы деревьев. Наконец, решила – рожу и утоплю, как щенка, потом и себе камень на шею и вслед за ним. Когда начались схватки, пошла к болоту, в которое были сброшены насильники, приготовила камень и тряпку, чтобы утонул долго не мучаясь.

Когда родила, перерезала пуповину и подняла младенца перед собой, чтобы посмотреть на дьявольское отродье. Он был похож на лягушонка, такой же лупастенький. А он, словно прочитав мои мысли, вцепился ручонкой в мою кофту – не оторвать, и в глаза мне так посмотрел, словно спросил – за что?...

В общем, ни на что плохое рука моя не поднялась. Я его полюбила, и даже когда поняла, что он убогонький, всегда была готова отдать за него свою никчёмную жизнь. И тебя прошу, не оставляй Родечку, его и так бог наказал, а он ни в чём не виноват. Я ведь сразу поняла, что он уже успел прирасти к тебе всей душой, ласковый мой.

– Я его не брошу, можете быть спокойны... – пообещала Стеша.

– Спасибо тебе.

– И сколько же эта история продолжается, наверное, лет сто? – сказала Стеша, произведя в уме нехитрые подсчёты.

– Ну сто не сто, не знаю, не считала. Я ведь не знаю даже, который нынче год. Всё что было раньше, помню как сейчас, а то, что случилось вчера, забываю. Живу, не знаю зачем. Хотя, знаю. Прежде чем уйти, мне нужно было оставить на кого – то своего Родечку. Вот я тебя и дождалась, моя графинюшка. Вижу, ты его не бросишь, и никогда об этом не пожалеешь, я тебе обещаю.

Обессилев от долгого разговора, старуха закрыла глаза и задремала. Стеша осторожно, чтоб её не потревожить, поднялась и вышла на улицу. Ей хотелось побыть наедине с собой, ещё раз увидеть имение, когда – то принадлежавшее её далёким предкам, и обдумать то, что поведала бывшая горничная её родной бабушки.

Огорошенная неожиданным поворотом событий, она медленно прошлась вдоль особняка, проводя рукой по стенам, словно нащупывая невидимую ниточку, связующую с прошлым. Останавливалась, и, закрыв глаза, пыталась представить себе лица мужественных женщин, отправленных в лесную глушь, чтобы сохранить жизнь последнего из рода Тумановых, её отца.

На заднем дворе имения она обнаружила загон, огороженный высоким плетнём, оберегавшем от волков нескольких козочек. Дальше, на небольшой возвышенности, среди высоких, позолоченных солнцем сосен, расположился погост. Могильные холмики, присыпанные толстым слоем сухих иголок, были едва видны. Если бы не покосившиеся, полусгнившие кресты с едва видневшимися, вырезанными ножом именами, их можно было бы и не заметить. Земля приняла и сравняла всех, и господ, и их прислугу, и монахинь.

– Варвара... Аглая... Исидора... Ольга... Евлампия... Таисия... Елена... Алексей... Серафима... Авдей... Илья... – читала Стеша, кланяясь каждому.

Она вспомнила бабушку, носившую в душе тяжкий груз ответственности за то, что не смогла уберечь наследника славного старинного рода от нелепой, трагической смерти, и унёсшую тайну его рождения с собой. Наверное, она до самого конца не была уверена в том, что, раскрыв её, сослужит хорошую службу ей, праправнучке Тумановых. Однако, кому – то

или для чего – то было нужно, чтобы она её узнала. Не случайно же ей встретился человек, лучистые глаза которого лишили её покоя, заставили взглянуть на свою жизнь по-другому. И уж точно не случайно всё повернулось так, чтобы она, направляясь в город в поисках новой жизни, неожиданно погрузилась, вернее сказать, провалилась в прошлое глубиной в целый век, где встретила другую участницу давних событий, возможно, прожившую столь долгую жизнь именно для того, чтобы открыть ей всю правду.

Теперь уже ей самой придётся хранить эту тайну дальше. Разве она посмеет хоть кому – нибудь признаться в том, кто она есть на самом деле? Да и чем она может доказать свою правоту, если пока ещё и сама не до конца в ней уверена. Мало ли что могла наговорить старая женщина, живущая в непонятно каком времени и измерении, приняв её случайное сходство с графиней Анастасией Тумановой за факт их родства. В конце концов, её просто могли подвести зрение и память. Конечно, фамильная икона могла бы послужить подтверждением её отношения к древнему роду, но вдруг она попала в их дом случайно? В общем, как была она Стешей Буренковой, так навсегда ею и останется. Однако, теперь она не сможет оставить этих людей на произвол судьбы не только потому, что дала им слово, а потому, что не может поступить иначе. Значит, поскольку она сама пока никак не устроена, ни жилья, ни работы у неё нет, ей придётся жить с ними как минимум столько, сколько ещё проживёт эта женщина. Перспектива довольно безрадостная, но ничего с этим не поделаешь.

Неожиданно рядом зазвучала свирель. Незамысловатая мелодия была нежна и чиста, как солнечный восход, как звон лесного ручейка. Оглянувшись, Стеша встретила Родькин взгляд, немного грустный, но вполне осмысленный. Он перестал играть и стоял молча, ожидая её одобрения.

– Играй, Родечка, играй. У тебя так хорошо получается... – попросила Стеша, ничуть не кривя душой, потому что исполненная им мелодия удивительно совпадала с её мыслями и настроением.

Так играть мог только по – настоящему талантливый человек. Словно по закону сообщающихся сосудов, господь с одной стороны многое отнял, ограничив его умственные способности и обрекая на полудикую жизнь в лесу, с другой наполнил недюжинным талантом.

Родькино лицо засияло, и он снова заиграл что – то непонятное, но очень красивое, похожее на чарующие звуки леса.

– Я никогда тебя не оставлю, Родечка, никогда... – прошептала Стеша.

Несомненно, он умел читать по губам, потому что после её слов неожиданно перестал играть, подбежал к Стеше, упал на колени и стал целовать ей руки. Похоже, таланты этого человека не ограничивались одной только музыкой.

Глава 5

Вернувшись в сторожку, Стеша сразу ощутила неестественно – глухую, тревожную тишину. Её нарушало, вернее, не нарушало, а подчёркивало только жужжание крупной зелёной мухи, бившейся в оконное стекло. Её подруга беспрепятственно ползала, исследуя каждый сантиметр на неподвижном лице старухи. Неестественная желтизна, заострившийся нос и приоткрытый рот наряду со спокойным, умиротворённым выражением, говорили о том, что едва теплившаяся в ней жизнь ушла легко и быстро.

Стеша согнала муху и замерла перед лицом смерти, обливаясь слезами. Эта женщина, за короткое время их общения ставшая ей близкой, когда – то знала её отца и бабушку и могла бы рассказать ещё о многом. Кроме горести и сожаления о неожиданной потере, она во второй раз за сутки почувствовала себя виновницей чужой смерти. Сначала мужчина, встретившийся ей на ночной дороге, теперь старуха, которая, возможно, прожила бы ещё какое – то время,

если бы не эмоции, пережитые ею во время рассказа о прошлом и оказавшиеся для неё непосильными.

Выплавав первые слёзы, Стеша стала искать какой –нибудь платок, чтобы подвязать челюсть покойницы. И надо было позвать Родьку, оставшегося на улице, чтобы сообщить о кончине его матери.

Стеша открыла дверь и остановилась на пороге, не представляя, как ей это сделать. Родька, игравший с Машкой, оглянулся и, мгновенно поняв по выражению её лица, что случилось непоправимое, бросился в сторожку, едва не сбив её с ног.

– Мама, не молчи... Мама, не молчи... Мама, не молчи... – донеслось изнутри.

Она отошла подальше от двери, давая ему выплакаться. Сердце буквально разрывалось от его тоскливых, монотонных выкриков, и она тоже расплакалась навзрыд. Встревоженная Машка подошла к ней, и, став рядом, вдруг начала потихоньку подвывать. Вторя ей, из леса, уже пустившего длинные вечерние тени, донёсся заунывный волчий хор. Стешу захлестнул ужас, и она бросилась в избушку. Родька стоял на коленях у смертного одра, уткнувшись лицом в материнскую руку, и рыдал не переставая. Она обняла его за плечи и попыталась приподнять. Он передёрнул плечами, запрещая себя трогать.

– Родечка... Мой дорогой Родечка... – тихо сказала Стеша, глядя его по плечу, – твоя мама ушла на небо. Она святая, и её позвали туда. А мы с тобой пока останемся здесь и будем за неё молиться. У нас есть какая –нибудь свечка? Надо зажечь свечу, чтобы осветить ей дорогу.

Родькины рыдания постепенно становились всё глуше. Наконец он поднялся с колен, и, открыв крышку сундука, похлопал по его содержимому.

– Здесь. Мама. Здесь...

Видимо, мать, задумываясь о своей смерти, давно уже приготовила всё необходимое и не раз повторяла об этом ему, зная, что он, скорее всего, будет единственным, кто проводит её в последний путь. На дне сундука, под Родькиными вещами, которыми, скорее всего, его снабжала церковь, лежал большой свёрток, завернутый в пожелтевшую простыню. В нём было чистое бельё, платье и белый саван. Там же нашлась дюжина тонких восковых свечей. Очевидно, всё это было приготовлено много лет назад и давно уже успело пожелтеть и слежаться, но теперь пришлось как нельзя кстати.

Выпроводив Родьку на улицу, Стеша как смогла обмыла и обрядила его мать, укрыла саваном, и, поставив у изголовья свою иконку, зажгла рядом с нею свечу. Сама же надела чёрное монашеское облачение, найденное в том же сундуке. За окнами стемнело, когда она прибралась и пригласила сына к телу матери. Увидев на ней черное одеяние, Родька вздрогнул и отрицательно покачал головой, не желая воспринимать её в таком обличье.

– Ничего, Родечка, ничего, – сказала Стеша, – так надо. Иди, садись рядом с мамой. Я буду с тобой. Я тебя не брошу.

Они просидели рядом с покойницей всю самую длинную ночь в их жизни. Родька плакал, не переставая. Иногда, не в силах себя сдерживать, выходил в ночь, подальше от сторожки, и стонал во весь голос. Каждый раз его поддерживала волчья стая, подывая вместе с ним на разные голоса. А Стеша задумывалась о том, что станет потом, когда это дитя природы будет вырвано из его привычной среды.

Когда наступил рассвет, Родька взял заступ и топор, и отправился рыть могилу.

В последний путь он отнёс мать на руках. Стеша шла позади, держа в руках букетик бессмертников и простыню, в которой ранее были завернуты погребальные вещи, чтобы прикрыть покойницу от земли, которая должна на неё упасть. Сначала Стеша хотела взять для этой цели лоскутное одеяло, на котором она лежала, но Родька неожиданно резко воспротивился:

– Нет... Мама, нет. Не надо... одеяло нет.

Возможно, ему не понравилось то, что оно было сыроватым. Обмывая усопшую, Стеша, как ни береглась, всё – таки немного его замочила. Согласившись с Родькой, она взяла простыню, а одеяло раскинула сушиться на кусте.

Могилу они сначала засыпали руками, тщательно выбирая из песка, нарытого из ямы, обрубленные сосновые корни. Родька поставил в изголовье тяжёлый крест, стоявший у сосны, под которой была вырыта могила. Стеша хорошо помнила, что вчера его здесь не было. Скорее всего, Родька притащил его утром из особняка, где он ожидал своего часа. На нём белело свежевырезанное имя – АНГЕЛИЯ. Вернувшись в сторожку, Родька сел к столу и застыл, уронив голову на руки. Стеша сидела рядом и молча гладила его по голове. Не было таких слов, которые могли бы облегчить его горе.

Проснувшись рано утром, Стеша обнаружила его постель пустой. На столе стоял ковш со свеженадоенным молоком, а он, скорее всего, ушел на могилу матери. Стеша решила его не трогать, пускай они побудут одни.

Теперь, когда Ангелия так неожиданно покинула этот мир, их ничто здесь не задерживало, можно было отправляться в путь. Стеша решила воспользоваться Родькиным отсутствием, чтобы собраться в дорогу. Из сундука она взяла его вещи и монашеское платье, в котором была на похоронах Ангелии, себе на память. Всё это связала в узел, а свою иконку опять спрятала себе за пазуху.

Сварив на завтрак кашу из последней горсточки риса, навела в избушке относительный порядок, застелив постель высушенным одеялом, и отправилась на поиски Родьки. Как она и думала, он стоял у свежего холмика на коленях и что – то тихо шептал.

– Родечка, мой дорогой Родечка... – сказала она, немного постояв рядом с ним. – Я тебе очень сочувствую. Мама самый родной и близкий человек, и нет большего горя, чем её потерять. Мои мама и папа тоже умерли, когда я была ещё совсем маленькой. Но у меня была бабушка, которая меня вырастила, и была рядом со мной, пока не умерла, как твоя мама. У тебя же не осталось никого. Если позволишь, рядом с тобой буду я. Но для этого нам нужно идти к людям. Люди должны жить рядом с людьми, а не животными. Там я смогу найти работу, чтобы у нас всегда была еда и всё остальное. Ты согласен пойти со мной или нет?

Родька молча взял её руку и прижал к своей щеке.

– Я понимаю, – продолжила Стеша, – тебе будет очень трудно привыкать к новой жизни, но ты не должен бояться. Я приложу все силы, чтобы тебе в этом помочь. Ты согласен?

– Теша, Родька, Машка, дружочек. – ответил он в знак согласия.

– Нет, Родечка, Машка нет. Люди могут её испугаться и убить. Ты же не хочешь, чтобы её убили?

Родька отрицательно покачал головой.

– Значит, мы должны идти вдвоём, а Машка останется здесь, со своей стаей. Здесь её мама и папа, с ними ей будет хорошо.

– А лялечки? – спросил Родька.

– Какие лялечки? – удивилась Стеша.

– Лялечки, молоко...

– Козы? – догадалась Стеша. По – видимому, лялечками он называл коз потому, что их блеяние походило на детские голоса.

– Да, лялечки – козы.

– Да, их здесь оставлять нельзя, об этом я не подумала. А давай – ка отведём их в деревню и подарим какой – нибудь бабушке. – сказала Стеша, подумав, что, посещая храм, он наверняка обзавёлся какими – то знакомствами. – у тебя нет знакомой бабушки?

– Есть, баба Маша.

– Баба Маша. Хорошо. А ещё?

– Отец Никита.

- Вот им мы их и подарим, а они уж сами решат, что с ними делать. Договорились?
- Да... – Родька печально склонил голову.

Стеша понимала, что разом отрывать его от всего, к чему он привык, равносильно что резать по живому, но выбора не было.

– Тогда давай прощаться с мамой. Мы будем её навещать, когда ты захочешь, а она будет смотреть на тебя с небес и радоваться тому, что ты не один.

- С неба видно всё. – согласился Родька, глядя на облака.

- Да, мой дорогой. Поднимайся, нам пора идти.

Родька шагал, держа на плече палку с узлом, в котором лежали его вещи и лоскутное одеяло, расставаться с которым он не захотел. Поход с небольшим козьим стадом, то и дело норовившим завернуть в сторону или забраться поглубже в кустарник, был непростым и завершился только к обеду.

У ворот крошечной деревянной церквушки, стоявшей на пригорке в центре деревни Демидовка, их встретил старенький, но ещё довольно энергичный отец Никита. Узнав о смерти Родькиной матери, он несколько раз перекрестился и пообещал в ближайшее же воскресенье отслужить молебен о новопреставленной Ангелии.

Услышав о том, что козье стадо хотят оставить на его усмотрение, он немного помолчал, жуя губами, затем поднял подол рясы и полез в карман серых холщовых штанов. Нашарив в нём тощую пачку денег, протянул Стеше.

– Ну что вы, батюшка, не нужно. – замахала руками Стеша, – Мы ведь привели их к вам не на продажу, а чтобы не оставлять на съедение волкам.

При упоминании о волках батюшка сплюнул, троекратно обмахнулся крестом, а деньги заставил взять, заявив:

– Нельзя брать животное задаром, нужно обязательно дать хоть копеечку, а то не пойдёт впрок. Возьми деньги, дочь моя. Богоугодное дело ты делаешь, приняв на попечение сироту. Конечно, сумма невелика, однако я вижу, что лишней она для вас не будет, хоть какое – то время продержитесь. Если надумаете остаться в нашей деревушке, я могу пособить с жильём.

- Нет, я думаю, в городе мне будет проще найти работу, а здесь что...

– Это верно, – согласился отец Никита, – здесь работников не держат, каждый сам выживает как может.

Суммы, полученной от отца Никиты, едва хватило на оплату комнаты в коммуналке за один месяц. Хозяйка Бронислава Максимовна, энергичная, яркая блондинка лет пятидесяти, пыталась вытребовать за полгода вперёд. Она долго и безуспешно повторялась, называя квартиру меблированной и оборудованной буквально всем. В это «всё» входили стол с табуретом и одним подвесным шкафчиком, а также маленький холодильник «Саратов» с насквозь проржавевшим дном на общей кухне, круглый стол и шкаф с отслоившимся шпоном, продавленный диван и телевизор в малюсенькой комнатке, плюс старая стиральная машинка в ванной. Однако, поняв, что взять с единственных клиентов, согласных за такую цену жить на первом этаже в коммуналке с облезлыми стенами, щелястым полом и протекавшей сантехникой больше нечего, махнула рукой и согласилась. Хотя, наверняка повела бы себя совсем по – другому, если бы знала, что после лесной сторожки даже эта убогая квартира для Стеши с Родькой казалась райским уголком. Стеша, готовая заплатить и больше, не уступила лишь потому, что на оставшиеся деньги ей нужно было купить раскладушку для Родьки и хотя бы по одной паре постельного белья.

Получив ключи, Стеша сразу же отправилась искать работу. Родьку она взяла с собой, опасаясь, что без неё он выйдет на улицу и потеряется, но на уговоры оставить лоскутное одеяло дома он не соглашался. Вид одеяла был так непригляден, что все прохожие обходили их стороной. Пришлось купить большой пакет и спрятать Родькино наследство в него.

Стеша довольно быстро устроилась посудомойкой в кафе – быстро. Оплата была такой, что едва хватало на дальнейшую оплату жилья. Зато хозяин кафе, главный девиз которого был «всё с пылу, с жару», кстати, обеспечивавший его детищу довольно неплохой успех, разрешал персоналу в конце дня забирать непроданные блюда себе. Так что пара булочек и котлет, а также понемногу гарнира и какого –нибудь салата у них были всегда. Конечно, для Родьки, съедавшего непривычную для него еду с завидным аппетитом и удовольствием, этого было маловато. Самой же Стеше частенько приходилось тайком доедать остатки с чужих тарелок.

Родька, узнав, что вода течёт по трубам прямо в доме, поначалу то и дело открывал краны и подолгу смотрел на струю, пытаясь понять, откуда она течёт и куда девается, если рядом нет ни реки, ни ручья, ни озера. Благо, их соседи работали на двух, а то и трёх работах и друг с другом почти не пересекались. Ванна ему понравилась сразу, а когда Стеша объяснила, для чего служит унитаз, пользоваться им согласился не сразу, во всяком случае, пока она была дома. К газовой плите он тоже не подходил довольно долго, да Стеша и не настаивала, опасаясь пожара.

Она сразу же постаралась внушить Родьке, что за собой нужно убирать и вообще, в квартире всегда должен быть порядок. Он с большим удовольствием, а может, просто потому, что ему, привыкшему к постоянному движению, было невмоготу сидеть без дела, каждый день мыл полы, включая коридор и кухню, а также посуду, свою и чужую, и, быстро научившись пользоваться стиральной машиной, то и дело перестирывал их немногочисленные вещи. В свободное время он смотрел телевизор, в основном мультфильмы и музыкальные программы.

Денег катастрофически не хватало, а впереди была зима. Надо было немного приодеться самой, да и Родьке купить хоть какую –нибудь куртку и ботинки. Поэтому, узнав от сотрудниц, что в местную музыкальную школу требуется уборщица, Стеша сразу же решила, что он вполне мог бы ей помогать. Тем более, во времени там никто никого не ограничивал, работай хоть до поздней ночи, лишь бы утром везде были чистота и порядок.

С этого момента, когда она решила отправиться в музыкальную школу, их жизнь совершила крутой поворот. Увидев старинный особняк, чем –то похожий на тот, рядом с которым он прожил всю жизнь, и в который они пришли устраиваться на работу, (Стеша не хотела скрывать, что собирается выполнять её с помощью брата), Родька застыл на месте, разглядывая здание и прислушиваясь к доносившимся из него звукам. Стеше с большим трудом удалось сдвинуть его с места.

Войдя во внутрь, где звуки были намного громче, он прислушался к звучащему сверху реквиему, остановился на мраморной лестнице, ведущей на второй этаж, и неожиданно стал молиться.

Как раз в это время сверху спускался высокий представительный мужчина лет пятидесяти с проседью в тёмных пышных волосах и аккуратной окладистой бородке. Увидев Родьку, накладывавшего на себя кресты, он тоже остановился и стал его внимательно рассматривать.

– Простите нас, – сказала Стеша, – мой брат ведёт себя немного странно... Он... просто он немного не такой, как все.

– Я это понял. – ответил мужчина.

– И он очень любит музыку, – добавила Стеша.

– И это я тоже понял – улыбнулся мужчина, – скажите пожалуйста, он играет на каком –нибудь инструменте?

– Понимаете, он вырос в глуши, и никакой возможности учиться у него не было. Но он умеет делать деревянные свирели и очень хорошо на них играет. Во всяком случае мне очень нравится.

– Я почему –то так и подумал! Разрешите представиться, меня зовут Игорь Станиславович Серов, профессор музыки. И я хотел бы послушать вашего брата, если это возможно. Скажите –ка мне, дружок, ваша свирель сейчас при вас?

- Да! – воскликнул Родька, засиявший при слове дружочек, – при нас.
- Вот и отличненько! Тогда попрошу пройти со мной, и мы с вашей сестрой, кстати, как вас звать – величать?
- Стеша, Степанида..
- А по бабушке?
- Степанида Никитична.
- Прекрасное имя. А молодой человек?
- Родион.
- Стало быть, Родион Никитич. Верно?
- Да.
- Если вы, Родион Никитич, не возражаете, мы с удовольствием вас послушаем. – предложил профессор, но тут же неожиданно воскликнул, глядя мимо них. – Софья Николаевна, дорогая, вы ли это?
- Стеша оглянулась и увидела пожилую, элегантную женщину, шедшую вслед за ними. Они с Родькой расступились в стороны и пропустили её вперёд.
- Я, мой дорогой Игорь Станиславович, я! – ответила она, сияя улыбкой, – как же я рада вас видеть!
- А я то как рад! – ответил он, целуя ей ручку. – Надолго ли к нам?
- А навсегда! – засмеялась женщина, задорно тряхнув головой.
- И вы не шутите?
- Нисколько. Понимаете, не могу я жить в этой Европе, не могу. Кажется, везде красота и порядок, до которого нам ещё расти да расти, только всё это чужое, искусственное, что ли. Там каждый живёт сам по себе и для себя. В общем, ничто не прилегает к душе и ничего с этим не поделаешь.
- Как я вас понимаю... А дети? Они тоже приехали?
- Нет. Знаете ли, молодые адаптируются к другой жизни гораздо легче. Так что дети пока остались там. Хотят заработать побольше денег. Но я очень надеюсь, что к когда –нибудь они всё – таки вернутся сюда, в родные пенаты.
- А что дом? В порядке?
- В порядке, Игорь Станиславович, в порядке. Соседка моя, Надежда Семёновна, следила за ним, как за своим.
- Вот и отлично. Не желаете ли пройти со мной, послушать этих молодых людей? Мне кажется, это вам будет интересно.
- С удовольствием. – ответила Софья Николаевна, окидывая странную пару внимательным взглядом.
- Тогда разрешите вас друг другу представить, – это Степанида Никитична и Родион Никитич. А это Софья Николаевна Криницкая, преподаватель вокала. Прошу всех за мной.
- Феноменально! – воскликнул Игорь Станиславович, внимательно прослушав Родькины описания. – я полагаю, эти мелодии он сочинил сам?
- Да, сам.
- И ни о какой нотной грамоте говорить не приходится?
- Нет. Читать и писать он немного умеет, а нот не знает.
- Полагаю, учить его уже вряд ли получится. Переучивать этот редчайший самородок, обладающий идеальным музыкальным слухом и памятью, только портить. А скажите – ка, Родион Никитич, не могли бы вы сыграть нам какую –нибудь другую музыку, то есть, не ту, что вы придумали сами, а которую исполнял бы кто – то другой. Например, ту, что вы слышали по радио или по телевизору?
- Да, могли бы, – ответил Родька, обрадованный неожиданным вниманием.
- Прошу вас, играйте.

Родька кивнул и неожиданно заиграл «гори – гори моя звезда», который Стеша любила напевать, занимаясь домашними делами. Проиграв несколько тактов, он посмотрел на Стешу и неожиданно потребовал: – «Теша, пой «звезда», пой».

– Нет, Родечка, нет, играй сам. Мы не должны злоупотреблять временем профессора.

– Отчего же нет? – возразил Игорь Станиславович, – Пойте, мы с удовольствием слушаем.

Стеша начала петь, сначала робко, вполголоса, а когда ей подыграл Родька, неожиданно для самой себя раскрепостилась и запела во всю мощь своего голоса.

– Феноменально!!! – воскликнул Игорь Станиславович своё любимое определение, аплодируя обоим. – Ну как, Софья Николаевна, возьмётесь за огранку этих самородков или нет?

– Возмусь с большой радостью. Какое счастье, что они попали именно к вам. Попадись они в руки какому – нибудь ретивому продюсеру, он быстро выжал бы с них все соки и выбросил. Талант талантом, а умение правильно поставить дыхание, грамотно пользоваться голосовыми связками, не рискуя сорвать голос, ещё никому не помешали.

– Полностью с вами согласен.

– Ну, тогда решайте организационные вопросы, а я пойду поздороваюсь с девочками.

Софья Николаевна ушла, а профессор подошёл к шкафу, достал из него инструмент, похожий на детскую игрушку, и протянул Родьке.

– Пожалуй, для начала я дам вам вот эту маленькую окарину. И ещё вот эту бамбуковую свирель. Пожалуйста, молодой человек, возьмите инструменты и попытайтесь их освоить. А я постараюсь вам помочь. И прошу вас обоих на занятия, ежедневно, безо всяких отговорок и пропусков. Что такое? Почему вы так потухли? – удивился он, заметив упавшее настроение Стешы.

– Простите, профессор, мы с братом не можем позволить себе учиться.

– Почему? – удивился профессор.

– Потому, что нам нечем платить за обучение и тем более за инструменты. Я думаю, они стоят очень дорого. Ведь мы пришли сюда не для того, чтобы учиться петь, а затем, чтобы устроиться на работу уборщиками.

– Вы? Пришли работать уборщиками? Мы мотаемся по всему свету в поисках талантов, а они вот они, пришли устраиваться на работу уборщиками. Забудьте об этом даже думать. Вы просто не понимаете, что, подучившись, вы будете зарабатывать столько, что сможете нанимать прислугу для себя, а не мыть полы за другими.

– Я не знаю, сможем ли мы научиться зарабатывать большие деньги и когда это будет. А платить за квартиру и чем – то питаться нам надо сейчас, и, желательно, каждый день... – растерялась Стеша.

– Девочка моя, вы когда – нибудь слышали о Ломоносове или о..., кто там ещё, – профессор пощелкал пальцами, и махнув рукой, продолжил. – ладно, не буду перечислять всех, кто прошел через голод и лишения ради того, чтобы достигнуть великого мастерства. Поверьте мне на слово, таких людей всегда было, есть и будет великое множество. Вы, наверное, понимаете, что такие предложения делаются нечасто, так что ни в коем случае не теряйте этой возможности для себя и своего брата тоже. Ведь вы, если я правильно понял, за него в ответе, и только вы одна можете помочь ему, а также самой себе получить всё, чего вы заслуживаете. Кстати, об оплате за учёбу я как – нибудь договорюсь, а обо всём остальном – извините.

– Хорошо, я подумаю. – ответила Стеша, взглянув на Родьку, прижимавшего неожиданные подарки к груди с такой силой, что побелели кончики пальцев.

Распрощавшись с профессором, они прошли два квартала, когда Родька вдруг вспомнил, что пакет с одеялом остался в его кабинете. Он вскрикнул, и, сунув инструменты Стеше в руки, помчался обратно.

Стеша как раз думала над тем, как найти выход из создавшегося положения, и не сразу поняла, что случилось. Помедлив пару секунд, побежала вслед за ним. Родька нёсся с такой скоростью, что она догнала его уже на пороге школы, где он, встретившись с профессором, тербил его за лацканы пиджака, требуя отдать одеяло.

– Какое одеяло? О чём вы говорите? Я не брал никакого одеяла... – недоумевал тот, пытаясь вырваться из его рук.

– Родя, что ты делаешь? Сейчас же отпусти человека! – закричала Стеша, оттаскивая его в сторону.

– Одеяло, мама, одеяло... – почти хрипел Родька.

Поняв в чём дело, Стеша обняла его, и, поглаживая по спине, стала уговаривать:

– Тише, Родечка, тише. Никуда твоё одеяло не делось, сейчас его тебе отдадут. Простите нас, профессор, я вас очень прошу. Просто мы забыли в вашем кабинете пакет, в котором лежит память о его матери. Это очень, очень старое одеяло, с которым он никогда не расстанется.

– Фу ты, господи, а я никак не пойму, чего он от меня хочет, какое такое одеяло... – рассмеялся профессор, поправляя на себе одежду.

– Я вас очень прошу его простить. Сама не знаю, почему он так к нему привязан. Наверное, теперь вы больше не захотите нам помогать...

– Да полно вам. Память о матери, это святое, тем более для такого человека. Пойдёмте же, вернём ему эту реликвию поскорее. И не забудьте, о чём мы с вами договорились. С завтрашнего же дня прошу вас на занятия.

Глава 6

Игорь Станиславович, как и обещал, сам подобрал учителей, уговорил их заниматься с великовозрастными учениками в дополнительное время, а директора изыскать возможности доплачивать им за сверхурочную работу. Из кафе Стеше пришлось уйти. Хозяин был удивлён, узнав о том, что причиной её увольнения является желание учиться пению, и даже попросил её немного спеть. Послушав её мягкий, нежный голос, расчувствовался и, слегка прослезившись, выдал ей расчёт и премиальные, которыми она смогла оплатить квартиру ещё за один месяц.

Стеша всё – таки упростила директора школы принять её с Родькой на работу, чтобы зарабатывать хотя бы на скудное питание. Теперь они трудились по восемнадцать часов в сутки, занимаясь сначала дома, затем в школе до тех пор, пока не освобождались кабинеты и можно было начинать уборку.

Родька освоил окарину довольно быстро. Нотная грамота, как и предполагал профессор, ему не давалась, и он учился играть только на слух. Для этого школьные преподаватели, восхищавшиеся феноменальными способностями и трудолюбием этой пары, сложились и купили для них недорогой магнитофон, подарив к нему кучу дисков.

Софья Николаевна, узнав что Стеша любит романсы, внимательно прослушала сначала её, а потом Родьку, у которого тоже был очень красивый баритон, и посоветовала им петь дуэтом и всерьёз. Увидев в этой паре большой потенциал, она стала заниматься с ними, не жалея своего времени. Да и жалеть то ей, собственно говоря, было нечего. Она очень любила свою работу и людей, а в небольшом особняке на окраине города никто, кроме кота Гогена и подруги – соседки, её не ждал.

Дети часто звонили и просили её вернуться, но она, хоть и очень по ним скучала, возвращаться в Голландию не имела никакого желания. Она не могла сказать об этой сказочной стране ничего плохого. Её восхищали тамошняя чистота и порядок, изящные мосты и каналы Амстердама, зелёные луга и ветряные мельницы Фрисланда, яркие тюльпановые поля Кёкенхофа и ещё многое другое, но катастрофически не хватало русского простора, простого человеческого общения и широты русской души.

Осень уже вступила в свои права и заметно похолодало. Уходя из дома, Стеша взяла только самое необходимое, рассчитывая за лето заработать и немного приодеться, однако и это немного было потеряно, когда ей пришлось столкнуться на ночной дороге с пьяной компанией. Для Родьки она взяла из старого сундука вещи, пожертвованные ему церковью. Для неё в нём не нашлось ничего, кроме древнего монашеского платья, которое она тоже взяла и хранила как бесценную реликвию.

Теперь же, когда она взяла содержание Родьки на себя, выкроить денег на покупку одежды никак не удавалось. Ночи стали холодными, и ей, чтобы окончательно не замёрзнуть, приходилось надевать поверх платья рабочий халат, в котором она мыла полы. Всё равно было очень холодно.

Стеша уже подумывала над тем, чтобы бросить учёбу и искать работу, когда простудилась и слегла с тяжелейшей ангиной. Родька, поняв, что она больна, не соглашался отойти от неё ни на шаг. Ей с большим трудом удалось уговорить его не пропускать занятия и отправить в школу одного. Потом она сходила с ума, боясь, что он попадёт в какую – нибудь историю или вообще заблудится и потеряется навсегда. Только теперь она поняла, что этот добрый, необычайно искренний и доверчивый человек стал для неё дорог, как родной брат.

Но Родька вернулся, и не один. Увидев вошедшую вслед за ним Софью Николаевну, Стеша почти физически ощутила, как с её плеч свалился огромный камень. Она попыталась подняться, чтобы встретить неожиданную гостью, но та её остановила.

– Лежите – лежите, моя дорогая! Как вы себя чувствуете? Да вы вся горите... Скажите поскорее, что у вас болит, может быть, я ещё успею съездить в аптеку. Хотя нет, уже не успею. А знаете что, мы с вами поступим по – другому. Вы можете ходить?

– Да, могу... – прохрипела Стеша.

– Вот и отлично. Поднимайтесь и поедemте ко мне.

– К вам? Нет, к вам нельзя. Я могу вас заразить.

– Не волнуйтесь, у меня хороший иммунитет. Главное, у меня дома полная аптечка лекарств, а моя соседка, она же лучшая подруга, терапевт с сорокалетним стажем. Вдвоём с ней мы быстренько поставим вас на ноги.

– Спасибо, но нет.

– Вы можете объяснить, почему?

– Я не могу оставить Родьку одного.

– А кто вам сказал, что мы его оставим? Мы заберём его с собой. Не волнуйтесь, места хватит для всех. Собирайте ваши вещи и поедem.

Софья Николаевна не удивилась тому, что все их вещи уместились в два небольших пакета, в одном из которых находилось старое лоскутное одеяло. Приехав домой, она показала Родьке место на шкафу и сказала:

– Друг мой, давайте – ка положим ваше одеяло вот сюда. Уверю вас, здесь никто его не тронет. Вы его будете постоянно видеть и носить за собой его не надо.

Обращение «друг» всегда действовало на Родьку обезоруживающе. Он безоговорочно положил пакет с одеялом на верх шкафа, а сам стал перемещаться по комнате, глядя на него. Убедившись, что пакет хорошо виден с любого угла комнаты, наконец – то успокоился.

Так хорошо и спокойно Стеша не чувствовала себя никогда. Небольшой особняк на окраине города, приютивший её и Родьку, был уютен и ухожен. Хозяйка и её соседка и подруга Надежда Семёновна, были невероятно заботливы. Они поминутно интересовались её самочувствием и угощали наперебой всяческими вкусностями. Даже кот Гоген принимал активное участие в её излечении. Просыпаясь, она каждый раз находила его лежащим рядом и ощущала исходившее от него тепло, которое, как ей казалось, очень ей помогало.

На первый взгляд подруги казались полными противоположностями. Софья Николаевна стройная, подтянутая и артистичная женщина с бледной тонкой кожей, красивым, аристокра-

тичным лицом и благородной сединой, была воспитана, очень добра, но, при необходимости, в меру строга.

Невысокая, довольно упитанная Надежда Семёновна с окрашенными в ярко рыжий цвет волосами и здоровым румянцем на всю щеку, напоминала собой сдобный, аппетитный и очень активный колобок с необычайно весёлым, порой на грани солдафонского юмора, нравом. В любом другом случае такое различие характеров могло бы сделать общение непереносимым, но между ними любые конфликты исчерпывались строгим замечанием Софьи Николаевны или весёлой шуткой и лёгким подтруниванием Надежды Семёновны.

Обе вдовствовали уже по многу лет. Дети и внуки разъехались, и подруги, лишённые возможности о ком – то заботиться, изнывали от тоски и одиночества. Теперь же материнский инстинкт, пробудившийся у обеих дам, получивших возможность опекать двух молодых людей, стал настолько активным, что Стеша, которую чуть ли не кормили с ложечки, чувствовала себя вернувшейся в раннее детство, когда были живы её родители и бабушка.

Дамы пришли в ужас, узнав, что надетое на ней платье единственное, которое она ежедневно стирала, и, хорошенько отжав через полотенце, снова одевала, благо, лёгкий китайский трикотаж не мялся, быстро высыхал и был чрезвычайно носким. Они быстренько перебрали свои шкафы, в которых оставалась масса вещей от их дочерей, и приодели её так, как она не одевалась никогда в жизни.

Родька тоже радовался счастливой перемене в своей жизни. Его восхищали светлые, уютные комнаты дома, мягкая мебель, а также картины и фарфоровые статуэтки, коллекцию которых Софья Николаевна собирала в течении всей своей жизни. Поначалу он подолгу стоял, застыв в восхищении перед какой – нибудь картиной или статуэткой, изучая их до малейших подробностей. При этом его пальцы шевелились, словно пытались представить каждое движение мастера, создававшего сей шедевр. По расстеленным по полу коврам он ходил только босиком, тщательно вымыв ноги.

Подруги были с ним ласковы и внимательны, и он готов был на них молиться. Здесь же он, привыкший общаться с животными и очень скупавший по своей волчице Машке, неожиданно обрёл нового друга в лице кота Гогена, который, тщательно его обнюхав, тут же принял за своего и теперь постоянно следовал за ним по пятам.

Родька, не обращая внимания на возражения Софьи Николаевны, взял на себя обязанности по уборке и весь дом сиял чистотой. Убравшись, он выходил в сад и первым делом собирал опавшие яблоки. Наверное, он не мог видеть спокойно, как эти замечательные плоды, кушать которые ему приходилось нечасто, валяются и гниют на земле. Поставив корзину с собранной падалицей на стол, он тщательно мыл руки, и, взяв флейту и окарину, шёл в дальний угол сада, примыкавший к заброшенному участку, напоминавшему своей неухоженностью лес, и часами играл на флейте, подаренной Игорем Станиславовичем. Гоген, следовавший за ним по пятам, усаживался на пень, оставшийся от спиленной яблони, и сладко подрёмывал под непонятные, но, по всей видимости, приятные для его слуха звуки, издаваемые новым другом.

Стеше стало значительно легче, и она начала выходить на прогулку в сад, чтобы подышать свежим, пропахшим яблоками, воздухом, послушать Родькину игру и полюбоваться цветущими астрами. Софья Николаевна обожала эти скромные, неприхотливые и в то же время по праздничному нарядные цветы. Постоянно покупая или выменивая новые сорта семян и рассады, она собрала богатейшую коллекцию, которая теперь украсила яркими пятнами весь двор и сад.

Стеша медленно шла, любуясь разнообразием цветов, слушала Родькину игру и чувствовала себя абсолютно счастливой. Разве могла она когда – нибудь мечтать о том, что ей доведётся встретить таких замечательных людей, как профессор Игорь Станиславович, Софья Николаевна и Надежда Семёновна, которых она полюбила всей душой. Они заставили её поверить в себя, и она приложит все силы для того, чтобы оправдать их ожидания. Возможно, когда –

нибудь у неё тоже будет такой же красивый, уютный дом для неё и Родьки, которого она уже привыкла считать своим настоящим братом.

В памяти вновь возникло лицо и лучистые глаза человека, общение с которым, длившееся всего лишь несколько минут, произвело на неё впечатление, которое до сих пор оставалось таким же острым и волнующим, как будто всё было вчера. Не проходило дня, чтобы она о нем не вспоминала. Во многих романах, прочитанных ею, говорилось о любви с первого взгляда, но о том, что это могло случиться с нею, она запрещала себе даже думать. Наверное, он уже давно забыл о ней и живёт своей жизнью, даже не подозревая о том, что, благодаря ему она смогла так перевернуть свою жизнь.

Задумавшись, она не сразу обратила внимание на то, что флейта замолчала, а Родька, силуэт которого только что виднелся между ветвями деревьев, куда – то исчез.

Стеша обвела взглядом сад, и, заметив качнувшийся куст на соседнем, заброшенном участке, и подумала, что он зачем – то перебрался туда через хлипкий забор. Она окликнула его, однако Родька не отозвался, что было на него непохоже. Скорее всего, в кустах бродит чья – то собака, решила она, однако в груди возник тревожный холодок.

Она поспешила туда, где только что видела Родьку. Он лежал на куче опавших листьев, уткнувшись лицом в руки, а Гоген топтался у него на спине, тычась мордой в голову. Ей почему – то показалось, что он вгрызается в Родькин затылок. Стеша готова была закричать от ужаса, но, увидев, что Гоген не кусает, а совсем наоборот, вылизывает его тщательно, словно котёнка, зажала рот обеими руками, ругая себя за отвратительную фантазию. А кот, не обращая на неё внимания, продолжал свое дело – лизал и терся своей усатой мордой об одно то же место Родькиного затылка, разминал его лапами и снова лизал. Закончив этот своеобразный сеанс мануальной терапии, длившийся довольно долго, он прилёг рядом с Родькиной головой. Тот повернулся к нему спиной, а Гоген плотно, словно желая отдать своё тепло, обнял его лапами, и оба затихли.

Стеша решила не мешать их странному общению, и осторожно, стараясь не шуршать листьями, пошла обратно в дом. Минут через пятнадцать флейта зазвучала снова. Стеше показалось, что её звуки стали звучать ещё чище и отчётливее, но чувство тревоги не проходило.

Немного поправившись, Стеша решила, что пора возвращаться обратно в квартиру. Вечером, когда они ужинали в саду, наслаждаясь последним осенним теплом, она сказала:

– Дорогая Софья Николаевна. Не могу передать, как мы с Родькой благодарны вам и Надежде Семёновне за ваше гостеприимство, помощь и доброту, однако, нам пора возвращаться домой, в квартиру.

– Как домой? Голубушка, вы что удумали? – возмутилась Софья Николаевна, – Неужели вам с нами так плохо, что вы решили вернуться обратно в свои трущобы?

– Ну что вы, нам здесь очень хорошо, но пора же, как говорится, и честь знать.

– Помилуйте, какая же честь, если вы хотите оставить нас в одиночестве. Мы ведь успели привыкнуть к вам, как к родным. Живите здесь, сколько захотите, если, конечно, я не надоела вам настолько, что вы готовы хоть в омут головой, лишь бы от меня подальше.

– Софья Николаевна, нам здесь очень хорошо, но нельзя же пользоваться вашей добротой до бесконечности.

– Если не хотите жить у Софочки, можете перебираться ко мне. – робко вставила Надежда Семёновна.

– Надюша, не смей... – Софья Николаевна строго погрозила неожиданной конкурентке пальцем и продолжила, – Не только можно, но и нужно. Вы поймите, мои дети возвращаться домой пока не собираются. Ехать к ним в Голландию я тоже не хочу. Нужды в деньгах у нас нет, дети очень хорошо мне помогают. А вы заменили мне семью, и я даже не представляю, как опять останусь одна.

– Огромное вам спасибо, – ответила Стеша, смахивая слезу, – Честно признаться, я тоже привыкла к вам, как к родной, и не знаю, смогу ли когда –нибудь отблагодарить вас за всё, что вы для нас сделали.

– Высшая благодарность – это любовь, уважение и внимание к человеку. Поверьте, в этом нуждается каждый, а одинокие пожилые люди тем паче. А всё остальное чепуха. Так что, давайте к этому вопросу больше не возвращаться. Поправляйтесь и начнём заниматься дома, не ограничиваясь во времени. Кстати, Родечкина преподавательница Вероника Матвеевна, она живёт в двух кварталах отсюда, тоже говорила, что заниматься с ним ей было бы гораздо удобнее здесь, а не в школе, не приходилось бы ехать домой затемно через весь город.

– А вам не будет мешать шум?

– Ну что вы. Я настолько привыкла за годы работы в школе к музыкальной кокафонии, что в тишине чувствую себя не совсем комфортно. Так что, как видите, всё складывается просто замечательно. Между прочим, вы меня так расстроили, что я забыла передать вам от Игоря Станиславовича привет и подарок, ещё одну окарину для Роды. Вероника Матвеевна похвасталась его успехами, и он решил, что ему пора осваивать более сложный инструмент, с восемью отверстиями. Ещё он просил сообщить вам о том, что скоро в нашей школе состоится концерт. Будут выступать лучшие ученики и он приглашает вас обоих принять в нём участие. Пора вам потихонечку выходить в люди.

– Нет, я выступать не буду. – отказалась Стеша.

– Почему? – удивилась Софья Николаевна.

– Вдруг об этом концерте напишут в газете и случайно упомянут моё имя. В общем, я бы не хотела, чтобы мой муж узнал, где я нахожусь.

– Конечно, в этом есть свой резон, однако, я не думаю, что такой муж стоит того, чтобы из – за него портить своё будущее.

– Вот именно! – воскликнула Надежда Семёновна, – я уверена, что это выступление послужит началом вашей карьеры.

– Карьеры... – вздохнула Стеша, – слышала бы вас моя бабушка.

– Именно, карьеры. – согласилась с подругой Софья Николаевна.

– Всё равно нет.

– О чём мы спорим, когда можно найти простой выход. Мы придумаем вам псевдоним.

– А это возможно?

– Почему нет? Какое бы вы хотели имя или фамилию?

– Туманова, – ответила Стеша, не раздумывая ни минуты, – если можно, брат и сестра Тумановы.

– Я думаю, можно. Завтра же поговорю об этом с Игорем Станиславовичем. Не хотите ли немного рассказать о себе?

– Конечно, вы имеете право знать обо мне всё. Пожалуй, я начну с самого начала...

И Стеша стала рассказывать о своих безвременно ушедших родителях, о жизни с бабушкой, и о непутёвом муже. Когда дело дошло до зимней ночи, проведённой с волками, обе дамы переглянулись и одновременно ахнули. Оказалось, что они читали об этом происшествии в старой, случайно завалявшейся газете буквально несколько дней назад. Тогда они не поверили ни единому напечатанному слову, решив, что это вымысел, придуманный жёлтой прессой для поднятия своего рейтинга.

Подтвердив правдивость той истории, Стеша рассказала её продолжение, о том, как, решив изменить свою жизнь, сбежала из дома и, подвергшись нападению на ночной дороге, была спасена волком, загрызшим её обидчика.

– Так это ты и есть та самая таинственная свидетельница невероятной трагедии, которую никак не могут найти? – воскликнула Надежда Семёновна.

– Наверное, я... А... А откуда вы об этом знаете?

– От Веры Максимовны, она живёт через два дома от нас. А она узнала от своего внука Владика, то есть Владислава Артёмовича. Он работает в следственном отделе и до сих пор ломает голову, расследуя это происшествие. Значит, это действительно был волк или волчица, которую ты спасла из ловушки? Невероятно!!!

– Как тесен мир... – произнесла Софья Николаевна, затем, глядя подруге в глаза, спросила строгим тоном, – Надюша, я надеюсь, ты не собираешься помогать этому Владику?

– Ну что ты, Софочка, конечно нет. – ответила Надежда Семёновна, однако её голос прозвучал не совсем убедительно.

– Смотри мне. Я ведь знаю про твою страсть ко всяким детективным историям, тебя же хлебом не корми, а дай поучаствовать в каком –нибудь расследовании. Не хватало ещё, чтобы этих бедных детей начали таскать по следственным отделам.

– Хорошо – хорошо, Софочка, я буду молчать как рыба.

– Вот и молчи. Стеша говорит, что в добавок ко всему, в погибшего ещё и стреляли. Однако, судя по словам Веры Максимовны, ни одного свидетеля его гибели до сих пор не найдено. Теперь представь себе, что в машине находились люди, которым не очень – то хочется признаваться в убийстве своего друга, возможно незаконном хранении оружия, и мало ли в чём ещё. Иначе они уже давно бы это сделали, верно?

– Ну да... – согласилась Надежда Семёновна.

– Именно поэтому им ничего не стоит обвинить в убийстве Стешу.

– Да как же можно её обвинять? В чём?

– У нас всё можно. Стеша, сколько мужчин было в машине?

– Кажется, четверо... Ну да, четверо, двое впереди и двое сзади. – ответила Стеша, которую уже начало трясти от страха.

– Вот видишь, четверо. Надюша, как по – твоему, что стоит слово одной – единственной женщины, не имеющей за душой ни гроша, против слова четверых мужчин, разъезжающих на крутом джипе?

– Не знаю...

– Она не знает... А я знаю, что они могут представить дело совсем по – другому. Например, сказать, будто Стеша дефилировала ночью по трассе, как сама знаешь кто... И кто будет в этом сомневаться, при нашей – то жизни?

В ответ Надежда Семёновна развела руками, а чайная чашка в Стешиных руках заплясала, пролив горячую жидкость ей на колени.

– Стешенька, пожалуйста, успокойся. Мы прекрасно знаем, что это не так. Я просто хочу изложить свою версию того, как может повернуться вся эта история. Итак, они могут сказать, что Стеша шла по дороге, а может и не просто шла, а голосовала в поисках клиентов. А пострадавший чисто случайно попросил остановить машину рядом с нею, чтобы пописать. Конечно же, она предложила ему свои услуги. Вполне естественно, что он, всегда слышавший примерным семьянином, ей отказал. И тогда она, в отместку за высказанное им пренебрежение или случайно вырвавшееся грубое слово, сначала натравила на него своего знакомого волка, о её дружбе с которым, между прочим, в своё время уже писали газеты, а потом ещё и пристрелила из пистолета.

Далее, обнаружив в машине застывших в шоке свидетелей, пригрозила им этим же пистолетом и обещанием, что, если они немедленно не уберутся или посмеют обмолвиться о произошедшем хотя бы одним словом, они с волком непременно их всех разыщут и сделают с каждым то же самое, что сделали с их товарищем. И кто бы посомневался в её словах, зная, какого она имеет союзника?

А у них семьи, дети, и только ради них они жили в вечном страхе, не смея обо всей этой истории даже вспоминать. И только теперь, когда наша доблестная полиция сама нашла эту

маньячку и заключила под надёжную стражу, они наконец – то могут спокойно вздохнуть и дать правдивые показания обо всём, что видели своими собственными глазами.

– Боже упаси! – воскликнула Надежда Семёновна – Софочка, какая ты умница! Посмотри, как закрутила, мне бы эдакое даже в голову не пришло.

– Надюша, это не я закрутила, а сама жизнь. Надеюсь, ты поняла, никому об этой истории ни слова, а то Стеша уже трясётся от страха, как осиновый лист.

– Конечно, что ж тут непонятного. Нет, но каков сюжет! А этот вездесущий волк... ну просто фантастика! Стеша, а что же было дальше?

– Дальше? Можно, я расскажу об этом в другой раз, сейчас у меня совершенно нет сил. – ответила Стеша, насмерть перепуганная возможным поворотом событий.

– Конечно, моя дорогая. Пожалуйста, прости, что я тебя напугала своей буйной фантазией. Ты должна знать главное – мы тебе верим и всегда будем на твоей стороне.

После затяжных дождей и лёгких заморозков наступила бабье лето с густыми утренними туманами, мягкой солнечной погодой и золотой листвой. Вся их небольшая компания сидела за столом под старой яблоней, наслаждаясь последним теплом, пила чай под тихий шорох листвы, облетающей с деревьев и обсуждала их выступление на концерте.

Перед его началом все боялись, что Родька, не привыкший к большой аудитории, может просто отказаться выходить на сцену. Возможно, он так бы и поступил. Однако, всё случилось с точностью до наоборот.

Стоя за кулисами, Стеша заглянула в щель между кулисами в зал и увидела человека в милицейской форме. Она едва не свалилась в обмороке, решив, что её тайна раскрыта, и прямо со сцены уведут в следственный изолятор. Софья Николаевна, всё время державшаяся рядом с ними, вовремя заметила её побледневшее лицо.

– Что случилось? – спросила она, увидев в её глазах ужас.

– Там... – прошептала Стеша, указывая дрожащим пальцем в сторону зрительного зала.

– Кто «там»? В каком ряду он сидит? – спросила Софья Николаевна, подумав, что она увидела кого – то из друзей человека, погибшего на дороге.

– В третьем...

– А в чём он одет?

– В форме.

– Как в форме, в какой форме?

– Милицейской.

– Не в милицейской, а полицейской, милиции у нас уже нет.... Значит, это был полицейский? Ты уверена?

– В чём?

– Как в чём? Это же он был в той машине, на трассе?

– Ни в какой машине я его не видела. Он сидит в зале, в третьем ряду у прохода с левой стороны. Наверное, чтобы было удобнее меня арестовывать.

– С чего ты решила, что тебя собираются арестовывать? – удивилась Софья Николаевна, заглядывая в зал. – господи, да это же Иван Владимирович, отец Танечки Савельевой, нашей лучшей ученицы по классу фортепиано. Милейший человек, очень гордится успехами своей дочери и не пропускает ни одного её концерта. А ты думала, он пришел за тобой?

– Ну да...

– Глупости. Немедленно прекрати паниковать и настраивайся на работу. Скоро ваш выход, а ты сама никакая, да ещё и Родьку пугаешь. Дыши глубже... ещё глубже... улыбайся... Не смей плакать! Я сказала, не смей, не то выпорю... Кто –нибудь, принесите мне розги...

Стеша представила себе Софью Николаевну, стегаящую её розгами, и рассмеялась.

– Вот так – то лучше. Ну что, мои дорогие, вы готовы?

– Готовы.

– С богом!

– «Теша, Родька, дружок...», – шепнула Стеша, поправляя на Родьке тёмные очки, которые, по замыслу Софьи Николаевны, должны были скрывать его особенность. Он был в белоснежной рубашке, подаренной Надеждой Семёновной, и черном костюме, одолженном одной из преподавательниц, а она в чёрном бархатном платье в пол, тоже чужом. Оба выглядели вполне презентабельно. Стеша перекрестилась, взяла Родьку за руку и повела на сцену.

Родька стоял боком к залу, и, не замечая никого, кроме Стешы, исполнял соло на окарине. Она улыбалась ему, плавно покачиваясь в такт музыке, и время от времени подпевала, исполняя вокализ. Зал замер, вслушиваясь в необычную мелодию. Когда ведущий объявил, что музыкант исполнил произведение его собственного сочинения, зал взорвался аплодисментами. Романсы в Стешином исполнении в сопровождении окарины пришлось повторять на бис.

В тот же вечер они получили приглашение выступить на довольно престижном областном фестивале, из – за чего, сами того не ведая, приобрели тайного, но весьма могущественного врага в лице известной в городе бизнесвумен Маргариты Михайловой. Дело в том, что на это приглашение рассчитывал её сын, ученик четвёртого класса по классу флейты Сева Михайлов, вернее не так он, как его мама. Сева особыми способностями не блистал, но она была уверена в обратном. Бизнес привил ей уверенность в том, что деньги могут всё, и талант её сына обязательно раскроется, если за те вложения, которые она делала в содержание школы, уделять ему особое внимание. Победу этой великовозрастной, непонятно откуда взявшейся пары, один из которой, по её мнению, был явным идиотом, она восприняла как пощёчину.

– Оказывается, я была права, когда говорила, что этот концерт может оказаться началом вашей карьеры, прямо как в воду глядела, – заметила Надежда Семёновна, смакуя вишнёвое варенье. – Фамилия Тумановых теперь мелькает в каждой газете.

– Твои предсказания всегда в руку. – согласилась Софья Николаевна. – я думаю, теперь предложения будут следовать одно за другим. Отказываться от них нельзя ни в коем случае. Чем больше вы будете выступать, тем быстрее приобретёте известность. Вы оба заслуживаете её как никто другой. А пока будем заниматься изо всех сил.

– Надо бы приобрести для них собственные костюмы. – вздохнула Надежда Семёновна. – негоже постоянно пользоваться чужими вещами. А Роде обязательно выступать в чёрном смокинге? Ведь это же очень дорого. Может, придумать чего попроще?

– Я думаю, обязательно. У них, можно сказать, уже сложился собственный имидж. К тому же, я считаю, что романсы – это классика и исполнять их в чём ни попадя не пристало. Ладно, отступить поздно, что –нибудь придумаем.

– Интересно, как? Уж не надумали ли вы выходить с волком на большую дорогу? – пошутила Надежда Семёновна.

– Смешно!... – фыркнула Софья Николаевна.

– Между прочим, волчья история началась не с меня, а намного раньше, – заявила Стеша, – Наверное, вы уже догадываетесь, что Родька мне не брат. Сейчас я вам расскажу всё по порядку.

Я не уверена, что волк, спасший меня от насильников, был тем самым, волчицу которого я освободила от удавки. И почему он явился на мой крик, тоже не знаю. Когда он вцепился в шею мужчины, пытавшегося затащить меня в машину, его чуть не застрелили. Увидев в руках водителя пистолет, я закричала, и он убежал, прыгнув с насыпи вниз. Мне пришлось прыгать вслед за ним, едва не свернув при этом шею. Я очень боялась преследования и бежала незнамо куда, пока не выбилась из сил.

Ранним утром, блуждая по лесу, я наткнулась на лесное озеро, а Родька с Машкой – молодой волчицей, служившей ему вместо собаки, пришел туда порыбачить. Там мы и встретились. Он привёл меня к разрушенному графскому имению и монастырю, рядом с которыми прожил всю свою жизнь, и познакомил со своей матушкой.

– Мне это напоминает историю Агафьи Лыковой. – сказала Софья Николаевна, – Но та живёт где – то в глухой тайге, по – моему, в Саянах. А здесь можно сказать, центр России. Неужели о них до сих пор никто не знал?

– Почему? О их существовании знали многие. Им помогала церковь из соседнего села. Но Ангелия возвращаться к людям почему – то не хотела. Я думаю, она боялась за Родьку, понимая, что ему будет трудно адаптироваться в обществе из – за его особенности.

– А кто был его отцом?

– Кто – то из троих преступников, сбежавших из тюрьмы. К тому времени в имении их оставалось всего двое, она и ещё одна монашенка. Остальные умерли. Преступники издевались над беззащитными женщинами в течение нескольких дней. Это очень тяжелая история, я расскажу её в другой раз.

Ангелия, так звали Родькину мать, при первом же взгляде на меня сказала невероятную вещь, будто я как две капли воды похожа на жену графа Арсения Туманова Анастасию, которой она прислуживала, будучи ещё девочкой. Кроме того, она узнала икону, которую вы уже видели. Она досталась мне от бабушки. На её обратной стороне выгравирован вензель графской семьи. Ангелия рассказала мне, что эту икону жаловала их прапрадеду Григорию Туманову сама Екатерина Великая. В общем, она утверждала, что я являюсь их правнучкой.

– Поэтому ты и взяла этот псевдоним?

– Да. Но всего лишь псевдоним. Присваивать себе имя и графский титул я не собираюсь.

– Интересно, почему?

– Я не уверена в том, что действительно являюсь их наследницей. Внешнее сходство ещё ни о чём не говорит. Мало ли на свете двойников, к тому же Ангелия была уже в таком возрасте и состоянии, что могла и ошибиться.

– Конечно, это так. Но при нынешнем уровне развития генетики это легко проверить, нужно только найти могилу хотя бы одного из них.

– Искать не надо. В этом же имении, которое находится не так далеко отсюда, в глухом лесу среди болот, есть небольшое кладбище. На нём похоронены дочь графа Аглая и невестка Варвара, которая, предположительно, является моей родной бабушкой, а также несколько монахинь из монастыря и прислуга, которая не оставила графскую семью до конца своих дней. Ангелия была последней из тех, кто знал их историю.

– А как они оказались в этой глуши? – спросила Софья Николаевна.

– Граф сам отправил их в монастырь, выстроенный им же ещё в прошлом веке рядом с принадлежавшим ему имением, вместе с прислугой и маленьким внуком, который, возможно, и являлся моим отцом, чтобы спасти от революционного беспредела. Остальные члены семьи остались в Петербурге, где вскоре были расстреляны. Я не знаю, сохранились их могилы или нет.

– Какая романтическая история, – мечтательно протянула Надежда Семёновна. – графское имение, монастырь... По закону жанра где – то там в должен быть спрятан клад. Родькина матушка ничего такого тебе не рассказывала?

– Нет, не рассказывала.

– Жаль. Вот бы его найти! Некоторое количество драгоценностей нам бы сейчас не помешало.

– Желаящие найти клад были, – ответила Стеша, – только некоторые из них лежат на дне болота.

– Драгоценности, клад... О чём ты говоришь, Надюша? – возмутилась Софья Николаевна, – Если бы Ангелия о них что – то знала, разве она жила бы в такой нищете? Стеша, ты лучше скажи, кем была бабушка, которая тебя воспитала. Кто она?

– По словам Ангелии, она была гувернанткой их внука, сбежавшей вместе с мальчиком во время погрома имения. Сама бабушка о своём прошлом никогда не рассказывала, а на все

мои вопросы отвечала одно – «Ещё не время, детка. Я всё расскажу когда –нибудь потом». Но это «потом» так и не наступило.

– Разобраться в этой истории мог бы брат Игоря Станиславовича. – сказала Софья Николаевна, – Он историк, живёт в Петербурге и наверняка что – то знает об этой семье. Я думаю, мы сможем с ним встретиться.

– Это было бы замечательно. Ангелия умерла в тот же день, взяв с меня слово, что я позабочусь о её сыне. Поэтому, чтобы не выглядело странным то, что мы с ним живём под одной крышей, я и выдала его за своего брата. Но, даже если бы не это обещание, я всё равно не смогла бы оставить его на произвол судьбы, в глуши, наедине со зверьём. Кстати, волчья стая, предков которой приручила ещё молодая графиня Аглая, выходяв раненного волчонка, охраняет остатки имения до сих пор. Правда, время от времени она куда – то исчезает, возможно, в брачный период или в поисках новых мест для охоты, но всегда возвращается обратно. Скорее всего, как раз в такой момент я и встретила с ними в первый раз, рядом с деревней, в которой прожила всю свою жизнь.

– Потрясающая, невероятно – сказочная история.

– Да, невероятная. – согласилась Стеша. – И поэтому я вас очень прошу никому о ней не рассказывать. Фамилия Степаниды Тумановой никоим образом не должна быть связана с фамилией графа Туманова до тех пор, пока это родство не подтвердится генетической экспертизой и я не получу законного права называться членом этой семьи.

Глава 7

Каждый год в конце октября Надежда Семёновна праздновала свой день рождения. Обычно гостей приглашалось немного, но готовилась она к этому дню долго и тщательно. Чтобы не ударить лицом в грязь, задолго начинала собирать и изучать рецепты приготовления новых изысканных блюд, искать какие – то редкостные специи. Затем придирчиво выбирала и закупала продукты, что – то квасила, мариновала, молола, фаршировала и пекла.

На этот раз в числе приглашенных, кроме Софьи Николаевны, Стеши и Родьки, были трое бывших коллег по работе, несколько ближайших соседей, и одна местная знаменитость – ювелир Адам Викентьевич Мицкевич, её старый друг, ради которого в основном все эти изыски и готовились. А если признаться честно, то даже не ради него, а ради его мамы, девятиностопятилетней Сары Вульфовой, которая сама присутствовать на празднике не могла, но непременно должна была быть в курсе того, как принимали и чем угощали её чадо. Не сидел ли он на сквозняке, или наоборот, не было ли ему слишком жарко, потому что резкие перепады температуры плохо влияют на здоровье. А также не слишком ли было наперчено мясо для жаркого, чтобы упаси боже, не повредить нежные стенки его желудка. И, самое главное, хорошо ли было это жаркое прожарено. Эта ужасная мода на мясо с кровью её просто ужасала, ведь в нём могут сохраняться ужасные лямблии.

Адам Викентьевич был сухощавый, хорошо сохранившийся мужчина лет семидесяти, небольшого росточка, с высоко поднятой головой, острым взглядом и желтоватой блестящей лысиной, обрамлённой, словно венцом, остатками некогда пышной седой шевелюры. Благодаря воспитанию и неусыпному вниманию своей матушки Адам Викентьевич сохранил одну замечательную особенность. Едва появившись, он везде, несмотря на свой маленький рост, заполнял собой всё пространство, словно раздвигая и вытесняя остальных присутствовавших своим авторитетом и значимостью, и становился центром внимания.

Адам Викентьевич, несмотря на свой солидный возраст, ещё ни разу не был официально женат, хотя претенденток на место в сердце и богатом доме знаменитого ювелира было более чем достаточно. Но каждый раз, как только бдительная Сара Вульфова чувствовала своим любящим материнским сердцем, что очередной роман её ненаглядного сыночка близится к

логическому завершению, то – есть к свадьбе, она устраивала для будущей невестки настоящий экзамен, выявляя в его присутствии её желание и способность обеспечить ему такую же любовь, заботу и уход, каким его обеспечивала она сама.

До конца этой изощрённой пытки не выдерживала ни одна потенциальная невеста. Почувствовав себя словно в объятиях спрута, готового вот – вот её заглотить, каждая внезапно вспоминала о каком – то неотложном деле, и, срочно вызвав такси, поспешно прощалась и уезжала с чувством счастливого, а, главное, своевременного освобождения.

Проводив очередную жертву, Сара Вульфовна гладила по голове старого мраморного дога Нерона, обожавшего свою хозяйку со всей преданностью собачьей души, подходила к позолоченной клетке, в которой сидел её любимый попугай Арик, и, удовлетворённо разводя руками, спрашивала:

– Арик, ты можешь представить себе хозяйку, которая протирала бы пыль в доме через день?

В ответ на каждый заданный вопрос Арик оглушительно кричал и поднимал крылья, показывая своё изумление.

– Я тоже удивлена. И при этом ещё думать о каких – то детях... Ну скажи мне, как может женщина не знать, при какой температуре надо включать увлажнитель воздуха? А яйца Фаберже? Не запомнить с первого раза порядок, в котором они должны стоять на полке? Ну я не знаю...

Беседуя с попугаем, Сара Вульфовна исподтишка поглядывала на сына, следя за цветом его ушей, а так же за амплитудой покачивания его правой ноги, возлежащей на левом колене. Если никаких изменений в этих чутких органах не происходило, она была вынуждена включать тяжёлую артиллерию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.